

ВКС

Вестник
Конституционного
Суда
Российской
Федерации

1'19

2'19

3'19

4'19

5'19

6'19

Учредитель —
Конституционный Суд
Российской
Федерации

4'2019

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. А. СЕРГЕЕВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —

Н. А. Сергеева
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: +7 (812) 404-32-51

Номер подготовили:

И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
М. В. Земцов
И. А. Михайлова
Л. А. Некрасова
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-75438 от 01 апреля 2019 года.

В НОМЕРЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф.Жарова

от 11 апреля 2019 года № 17-П 4

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В.Янмаевой

от 17 апреля 2019 года № 18-П 11

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг в связи с жалобой акционерного общества «Верхневолгоэлектромонтаж-НН»

от 25 апреля 2019 года № 19-П 18

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 2¹ части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда

от 22 мая 2019 года № 20-П 29

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г.К.Щукина

от 28 мая 2019 года № 21-П 36

4'2019

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, а также положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» в связи с жалобой гражданина С.А.Глухова
от 6 июня 2019 года № 22-П 45

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А.Сотникова
от 13 июня 2019 года № 23-П 54

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В.А.Тетерина
от 18 июня 2019 года № 24-П 61

Определение Конституционного Суда Российской Федерации по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»
от 2 апреля 2019 года от № 854-О 73

Определение Конституционного Суда Российской Федерации по запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации
от 11 апреля 2019 года № 862-О 83

Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»
от 11 апреля 2019 года № 863-О 87

4'2019

Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем седьмым статьи 3 и статьей 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», частью первой статьи 56 Федерального закона «О животном мире» и статьей 58 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

от 13 мая 2019 года № 1197-О

93

Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Юлии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации

от 13 мая 2019 года № 1199-О

100

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**11 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 17-П

**по делу о проверке конституционности
положений статьи 129, частей первой
и третьей статьи 133, а также частей
первой – четвертой и одиннадцатой
статьи 133¹ Трудового кодекса
Российской Федерации в связи с
жалобой гражданина С.Ф.Жарова**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Ф.Жарова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г.Ярославцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 129 Трудового кодекса Российской Федерации, раскрывающей содержание основных понятий, используемых при регулировании оплаты труда, заработной платой (оплатой труда работника) признаются вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты) (часть первая); тарифной ставкой – фиксированный размер оплаты труда работника за выполнение нормы труда определенной сложности (квалификации) за единицу времени без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть третья); окладом (должностным окладом) – фиксированный размер оплаты труда работника за исполнение трудовых (должностных) обязанностей определенной сложности за календарный месяц без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть четвертая); базовым окладом (базовым должностным окладом), базовой ставкой заработной платы – минимальные оклад (должностной оклад), ставка заработной платы работника государственного или

муниципального учреждения, осуществляющего профессиональную деятельность по профессии рабочего или должности служащего, входящим в соответствующую профессиональную квалификационную группу, без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть пятая).

Часть первая статьи 133 данного Кодекса предусматривает, что минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, а часть третья той же статьи закрепляет правило, в соответствии с которым месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда.

В силу статьи 133¹ названного Кодекса в субъекте Российской Федерации региональным соглашением о минимальной заработной плате может устанавливаться размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации (часть первая) для работников, работающих на его территории, за исключением работников организаций, финансируемых из федерального бюджета (часть вторая); размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации устанавливается с учетом социально-экономических условий и величины прожиточного минимума трудоспособного населения в нем (часть третья) и не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом (часть четвертая); месячная заработная плата работника, работающего на территории соответствующего субъекта Российской Федерации и состоящего в трудовых отношениях с работодателем, в отношении которого региональное соглашение о минимальной заработной плате действует в соответствии с частями третьей и четвертой статьи 48 данного Кодекса или на которого указанное соглашение распространено в порядке, установленном частями шестой – восьмой статьи 133¹ данного Кодекса, не может быть ниже размера минимальной заработной платы в этом субъекте Российской Федерации при условии, что таким работником полностью отработана за этот период норма рабочего времени и выполнены нормы труда (трудовые обязанности) (часть одиннадцатая).

1.1. Заявителю по настоящему делу гражданину С.Ф.Жарову, работающему сторожем в АО «Витимэнерго», был установлен должностной оклад в размере 4268 рублей, районный коэффициент и процентная надбавка к заработной плате за работу в приравненных к районам Крайнего Севера местностях, а также иные надбавки и доплаты, предусмотренные локальными нормативными актами работодателя. Оплата сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни производилась в повышенном размере исходя из установленного оклада. Поскольку должностной оклад заявителю был установлен в размере ниже размера минимальной заработной платы в Иркутской области, расчет оплаты труда осуществлялся исходя из того, что размер заработной платы с учетом оклада и всех выплат, включая оплату сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, должен составлять не менее минимального размера оплаты труда (начисление районного коэффициента и процентной надбавки производилось на всю сумму заработной платы). Полагая, что действия работодателя по начислению заработной платы нарушают его права на получение справедливой заработной платы, заявитель обратился в суд.

Решением Бодайбинского городского суда Иркутской области от 18 апреля 2018 года требования С.Ф.Жарова были частично удовлетворены. Суд счел, что за основу оплаты труда в 2017 году следует принять размер минимальной заработной платы, установленный Региональным соглашением о минимальной заработной плате в Иркутской области от 26 января 2017 года (12 652 рубля), а в январе 2018 года в связи с расторжением названного соглашения – минимальный размер оплаты труда, установленный на федеральном уровне (9 489 рублей), исходя из которого необходимо исчислять оплату фактически отработанного времени согласно графику дежурств, после чего к полученной сумме следует прибавить сумму оплаты в повышенном размере

сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни (в те месяцы, когда она производилась) и начислить районный коэффициент и процентную надбавку к заработной плате.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 2 августа 2018 года решение суда первой инстанции было изменено, сумма, подлежащая взысканию в пользу С.Ф.Жарова, уменьшена. При этом суд исходил из того, что заработная плата работника, включающая все компенсационные и стимулирующие выплаты, предусмотренные системой оплаты труда, а также повышенную оплату труда в условиях, отклоняющихся от нормальных, должна быть не менее минимального размера оплаты труда (либо минимального размера заработной платы в субъекте Российской Федерации), после чего на нее начисляются районный коэффициент и процентная надбавка.

По мнению заявителя, положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации не соответствуют статьям 7, 17, 19, 37 и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они позволяют работодателю устанавливать работнику заработную плату, размер которой с учетом включения в ее состав компенсационной выплаты за работу во вредных условиях труда, оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни не превышает минимального размера оплаты труда в Российской Федерации, что нарушает его право на повышенный размер оплаты труда в условиях, отклоняющихся от нормальных.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Как следует из судебных постановлений, принятых по делу заявителя, работу во вредных условиях труда он не осуществлял, соответствующие выплаты для него не предусмотрены.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133 и частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на основании данных норм решается вопрос о включении в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей минимального размера оплаты труда, повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию правовым социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, закрепляет, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (статья 1, часть 1; статья 7; статья 37, часть 3).

Право на справедливую заработную плату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия признается одним из важнейших прав в сфере труда Всеобщей декларацией прав человека (статья 23), Международным пактом

об экономических, социальных и культурных правах (статья 7), а также Европейской социальной хартией (пересмотренной), принятой в городе Страсбурге 3 мая 1996 года (статья 4 части II).

В силу приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов правовое регулирование оплаты труда лиц, работающих по трудовому договору, должно гарантировать установление им заработной платы в размере, обусловленном объективными критериями, отражающими квалификацию работника, характер и содержание его трудовой деятельности и учитывающими условия ее осуществления, которые в совокупности определяют объем выплачиваемых работнику денежных средств, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы. При этом определение конкретного размера заработной платы должно не только основываться на количестве и качестве труда, но и учитывать необходимость реального повышения размера оплаты труда при отклонении условий работы от нормальных (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 года № 38-П и от 28 июня 2018 года № 26-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 1622-О-О).

3. Согласно части первой статьи 129 Трудового кодекса Российской Федерации заработная плата (оплата труда работника) – вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты). Соответственно, заработная плата работника помимо тарифной части (тарифной ставки, оклада, в том числе должностного) может включать в себя стимулирующие и (или) компенсационные выплаты. Компенсационные выплаты (доплаты и надбавки) имеют целью компенсировать влияние на работника неблагоприятных факторов. Включение названных выплат в состав заработной платы обусловлено наличием таких факторов (производственных, климатических и т.п.), которые характеризуют трудовую деятельность работника.

Наряду с этим в том случае, когда трудовая деятельность осуществляется в условиях, отклоняющихся от нормальных (при выполнении работ различной квалификации, совмещении профессий (должностей), сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни и при выполнении работ в других условиях, отклоняющихся от нормальных), работнику производятся соответствующие выплаты, предусмотренные трудовым законодательством (статья 149 Трудового кодекса Российской Федерации).

Соответственно, оплата труда работника может состоять из заработной платы, установленной для него с учетом условий труда и особенностей трудовой деятельности, и выплат за осуществление работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе при выполнении сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, – работы, производимой в то время, которое предназначено для отдыха.

4. Как следует из буквального смысла статей 149, 152, 153 и 154 Трудового кодекса Российской Федерации, сверхурочная работа, работа в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни оплачивается в повышенном размере. Так, в соответствии с названным Кодексом сверхурочная работа оплачивается за первые два часа работы не менее чем в полуторном размере, за последующие часы – не менее чем в двойном размере (статья 152), работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается не менее чем в двойном размере (статья 153), каждый час работы в ночное время оплачивается в повышенном размере по сравнению с работой в нормальных условиях (статья 154).

Установление повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в выходные и нерабочие праздничные дни, работы в ночное время обусловлено повышенными трудозатратами работника, вызванными сокращением времени отдыха либо работой в то время, которое биологически не предназначено для активной деятельности, а также лишением работника возможности распоряжаться временем отдыха, использовать его по прямому назначению, что приводит к дополнительной физиологической и психоэмоциональной нагрузке и создает угрозу причинения вреда здоровью работой в ночное время либо сокращением времени на восстановление сил и работоспособности.

Приведенное законодательное регулирование призвано не только компенсировать работнику отрицательные последствия отклонения условий его работы от нормальных, но и гарантировать эффективное осуществление им права на справедливую заработную плату, что отвечает целям трудового законодательства и согласуется с основными направлениями государственной политики в области охраны труда, одним из которых является приоритет сохранения жизни и здоровья работников (статьи 1 и 2, часть первая статьи 210 Трудового кодекса Российской Федерации).

Привлечение работника в установленном законом порядке к сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни, как это следует из Трудового кодекса Российской Федерации, производится на основании распоряжения работодателя с соблюдением предусмотренных законом правил (об ограничении привлечения к ним определенных категорий работников, о необходимости, как правило, получить письменное согласие работника) (статьи 99 и 113). Кроме того, для сверхурочных работ установлено количественное ограничение – не более 4 часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год (часть шестая статьи 99). Работа в ночное время осуществляется на основе установленного режима рабочего времени, в том числе графиков сменности (статья 103).

Следовательно, выполнение работы в указанных условиях, отклоняющихся от нормальных, не может производиться на регулярной основе (за исключением случаев приема на работу исключительно для работы в ночное время); при сменной работе количество ночных смен в разных периодах может различаться.

Таким образом, выплаты, связанные со сверхурочной работой, работой в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, в отличие от компенсационных выплат иного характера (за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, в местностях с особыми климатическими условиями), не могут включаться в состав регулярно получаемой месячной заработной платы, которая исчисляется с учетом постоянно действующих факторов организации труда, производственной среды или неблагоприятных климатических условий и т.п.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации в соответствии с требованиями статей 7 (часть 2) и 37 (часть 3) Конституции Российской Федерации предусматривает, что величина минимального размера оплаты труда является одной из основных государственных гарантий по оплате труда работников (статья 130). При этом минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (часть первая статьи 133), а месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда (часть третья статьи 133).

Согласно статье 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации в субъекте Российской Федерации региональным соглашением о минимальной заработной плате может устанавливаться размер минимальной заработной платы, который определяется с учетом социально-экономических условий и величины прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствующем субъекте Российской Федерации и не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом (части первая, третья и четвертая).

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений сформулировал следующие правовые позиции относительно института минимального размера оплаты труда и минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации:

институт минимального размера оплаты труда по своей конституционно-правовой природе предназначен для установления того минимума денежных средств, который должен быть гарантирован работнику в качестве вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей с учетом прожиточного минимума (Постановление от 27 ноября 2008 года № 11-П);

вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда гарантируется каждому, а следовательно, определение его величины должно основываться на характеристиках труда, свойственных любой трудовой деятельности, без учета особых условий ее осуществления; это согласуется с социально-экономической природой минимального размера оплаты труда, которая предполагает обеспечение нормального воспроизводства рабочей силы при выполнении простых неквалифицированных работ в нормальных условиях труда с нормальной интенсивностью и при соблюдении нормы рабочего времени (Постановление от 7 декабря 2017 года № 38-П);

положения статей 129 и 133 Трудового кодекса Российской Федерации не затрагивают правил определения заработной платы работника и системы оплаты труда, при установлении которой каждым работодателем должны в равной мере соблюдаться как норма, гарантирующая работнику, полностью отработавшему за месяц норму рабочего времени и выполнившему нормы труда (трудовые обязанности), заработную плату не ниже минимального размера оплаты труда, так и требования о повышенной оплате труда при осуществлении работы в условиях, отклоняющихся от нормальных (определения от 1 октября 2009 года № 1160-О-О и от 17 декабря 2009 года № 1557-О-О);

в механизме правового регулирования оплаты труда дополнительная гарантия в виде минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации должна в соответствующих случаях применяться вместо величины минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом, не заменяя и не отменяя иных гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации (Постановление от 7 декабря 2017 года № 38-П).

Из приведенных правовых позиций следует, что оспариваемые положения статей 129, 133 и 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации в системной связи с его статьями 149, 152–154 предполагают наряду с соблюдением гарантии об установлении заработной платы не ниже минимального размера оплаты труда определение справедливой заработной платы для каждого работника в зависимости от его квалификации, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного труда, а также повышенную оплату труда в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе при работе в ночное время, сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни.

Соответственно, каждому работнику в равной мере должны быть обеспечены как заработная плата в размере не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (минимальной заработной платы), так и повышенная оплата в случае выполнения работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе за сверхурочную работу, работу в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. В противном случае месячная заработная плата работников, привлеченных к выполнению работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, не отличалась бы от оплаты труда лиц, работающих в обычных условиях, т.е. работники, выполнявшие сверхурочную работу, работу в ночное время, в выходной или нерабочий праздничный день (т.е. в условиях, отклоняющихся от нормальных), оказывались бы в таком же положении, как и те, кто выполнял аналогичную работу в рамках установленной продолжительности рабочего дня (смены), в дневное время, в будний день.

Это приводило бы к несоразмерному ограничению трудовых прав работников, привлеченных к выполнению работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, и вступало бы в противоречие с вытекающими из статьи 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации общеправовыми принципами юридического равенства и справедливости, обуславливающими, помимо прочего, необходимость предусматривать обоснованную дифференциацию в отношении субъектов, находящихся в разном положении, и предполагающими обязанность государства установить правовое регулирование в сфере оплаты труда, которое обеспечивает справедливую, основанную на объективных критериях, заработную плату всем работающим и не допускает применения одинаковых правил к работникам, находящимся в разном положении. Кроме того, это противоречило бы и статье 37 (часть 3) Конституции Российской Федерации, устанавливающей гарантию вознаграждения за труд без какой бы то ни было дискриминации.

Таким образом, взаимосвязанные положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133 и частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают включения в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей минимального размера оплаты труда, повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 129, частей первой и третьей статьи 133 и частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают включения в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей минимального размера оплаты труда, повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133 и частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Жарова Сергея Федоровича подлежат пересмотру с учетом выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла взаимосвязанных положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133 и частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133¹ Трудового кодекса Российской Федерации.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

17 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 18-П

по делу о проверке конституционности
части первой статьи 73, части первой
статьи 299 и статьи 307 Уголовно-
процессуального кодекса Российской
Федерации в связи с жалобой
гражданки И.В.Янмаевой

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.В.Янмаевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует в части первой статьи 73 обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, в части первой статьи 299 – вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, в статье 307 – содержание описательно-мотивировочной части обвинительного приговора.

Апелляционным приговором Волгоградского областного суда от 31 марта 2016 года ряд граждан признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных частями третьей и четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, и осуждены за действия, связанные с хищениями денег, принадлежащих вкладчикам жилищно-строительного кооператива, совершенные организованной группой в крупном и особо крупном размере путем обмана и злоупотребления доверием. Тем же приговором за потерпевшими признано право на удовлетворение гражданских исков, а вопрос о размере возмещения причиненного им вреда передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. При этом сохранен до полного возмещения такого вреда арест, ранее наложенный на ряд имущественных объектов, в том числе на двухкомнатную квартиру в городе Волгограде и автомобиль, право собственности на которые не оспорено заинтересованными лицами и зарегистрировано за И.В.Янмаевой (прежняя фамилия – Стребкова), участвовавшей в уголовном деле как свидетель и не привлекавшейся в качестве обвиняемой, гражданского ответчика или лица, обязанного возместить вред, причиненный виновными (причем из

указанных в приговоре протоколов обыска и осмотра, проведенных в данной квартире, следует, что она там действительно проживает).

С приговором согласились судьи судов кассационной инстанции (постановления судьи Волгоградского областного суда от 29 декабря 2016 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2017 года) и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (решение от 13 февраля 2018 года). Отвергая доводы кассационных жалоб И.В.Янмаевой, они исходили из того, что обстоятельства, послужившие основанием для наложения ареста на принадлежащие ей квартиру и автомобиль, не отпали и нашли свое подтверждение в ходе рассмотрения уголовного дела по существу: эти объекты были переданы одной из осужденных в собственность И.В.Янмаевой, являвшейся соучредителем юридического лица, созданного в целях сохранения денежных средств и имущества, добытых преступным путем.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации И.В.Янмаева утверждает, что часть первая статьи 73, часть первая статьи 299 и статья 307 УПК Российской Федерации не соответствуют статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1–3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку ввиду наличия пробела в действующем правовом регулировании позволяют суду в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу (пункт 11 части первой статьи 299 данного Кодекса) сохранить при постановлении приговора арест, ранее наложенный на имущество, не подлежащее конфискации и принадлежащее лицу, не являющемуся в уголовном деле обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, без установления, доказывания и изложения в приговоре обстоятельств, подтверждающих, что это имущество, в частности, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества. Если решение вопроса о судьбе имущества, подлежащего конфискации, урегулировано данным Кодексом (пункт 8 части первой статьи 73, часть третья статьи 115, статья 115¹, пункт 10¹ части первой статьи 299 и пункт 4¹ статьи 307), то в отношении имущества, не подлежащего конфискации, но подвергнутого аресту для обеспечения гражданского иска, имеется, по мнению заявительницы, правовая неопределенность, позволяющая ограничивать права его собственников без предоставления им эффективных гарантий защиты права собственности.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, часть первая статьи 73, часть первая статьи 299 и статья 307 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании в системе действующего правового регулирования приговором суда решается вопрос о сохранении после вступления приговора в законную силу ареста, наложенного в рамках производства по уголовному делу на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска.

2. Конституция Российской Федерации относит к числу основных прав и свобод человека и гражданина, признаваемых, соблюдаемых и защищаемых государством, право частной собственности, которое, согласно ее статье 35, охраняется государством (часть 1), включает в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), притом что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (часть 3).

В приведенных конституционных положениях выражен, по сути, один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, таких как владение, пользование и распоряжение своим имуществом. В силу данного принципа, а также фундаментальных принципов

юридического равенства и справедливости вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года № 9-П и др.).

Из положений статей 55 (часть 3) и 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 19, 35 и 46 вытекает, что ограничения права собственности могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты иных конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, и отвечают требованиям справедливости. Конституционные гарантии охраны частной собственности, включая ее судебную защиту, распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере. Это означает, что ограничения владения, пользования или распоряжения имуществом, налагаемые для обеспечения производства по уголовному делу, изъятие имущества у собственника, независимо от оснований такого изъятия, поскольку они носят принудительный характер, предполагают наличие механизма, позволяющего эффективно защищать в судебном порядке интересы как лиц, предъявивших иск о возмещении причиненного преступлением ущерба, так и лиц, обязанных его возместить.

3. Опираясь на положения Конституции Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает в качестве основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности, равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданского оборота, беспрепятственное осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебную защиту (пункт 1 статьи 1). Эти фундаментальные начала, как они определены в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации, лежат в основе любого законодательного регулирования в данной сфере, включая определение оснований и порядка возникновения, изменения и прекращения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также определение объема их защиты и правомерных ограничений.

На охрану права собственности и связанных с ним правоотношений направлены и нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, признающего назначением уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6). Согласно данному Кодексу при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением (пункт 4 части первой статьи 73), а установив, что содеянным причинен имущественный вред, следователь, дознаватель обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, стоимость которого обеспечивает возмещение такого вреда, а также меры по наложению ареста на это имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, наложение ареста на имущество не может быть произвольным и должно быть обусловлено предполагаемой причастностью конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения (использования) конкретного имущества либо должно основываться на законе, устанавливающем материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого (Постановление от 31 января 2011 года № 1-П).

Наложение ареста на имущество, находящееся у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, допускается лишь в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу, и лишь при условии, что относительно этого имущества имеются – с учетом возможной при первоначальном применении данной принудительной меры неотложной ситуации, выражающейся в том числе в неполном установлении обстоятельств, подлежащих согласно статье 73 УПК Российской Федерации доказыванию по уголовному делу, – достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования преступной деятельности. Однако не исключается сохранение действия правового режима ареста имущества для обеспечения – при эффективном судебном контроле – частноправовых целей возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, если по делу будет заявлен гражданский иск и владелец арестованного имущества подлежит привлечению в качестве гражданского ответчика. В таком случае пролонгация ареста имущества должна осуществляться на основании части первой статьи 115 УПК Российской Федерации с учетом соблюдения правил о сроках исковой давности и привлечения владельца арестованного имущества в качестве гражданского ответчика (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 года № 25-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 471-О-Р и от 24 апреля 2018 года № 878-О). Продление срока ареста имущества производится также с учетом результатов предварительного расследования, позволяющих, в частности, оценить, действительно ли арестованное имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать (о чем приобретатель не знал и не мог знать), знал или должен ли был знать владелец арестованного имущества, что оно получено преступным путем, причастен ли он к совершению преступления и подлежит ли привлечению к уголовной ответственности, возмездно или безвозмездно приобретено имущество (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 года № 25-П).

При этом, в силу принципов верховенства права (означающего в том числе защиту от произвольных действий государственных органов и должностных лиц), неприкосновенности собственности и соблюдения баланса частных и публичных интересов, изъятие в рамках уголовного дела имущества (включая наложение на него ареста или признание его вещественным доказательством с режимом хранения, ограничивающим права владения и пользования имуществом), которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за их действия, и использование которого в совершении преступления только предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий защиты прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 года № 1-П).

4. Завершая предварительное расследование, следователь, дознаватель признают, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (часть первая статьи 215, статьи 225 и 226⁷ УПК Российской Федерации). К обвинительному заключению и обвинительному акту прилагается справка, в которой в том числе указываются сведения о гражданском иске, принятых мерах по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества,

процессуальных издержках (часть пятая статьи 220 и часть третья¹ статьи 225 УПК Российской Федерации).

Пункт 1 статьи 307 УПК Российской Федерации прямо относит описание преступного деяния, включая последствия преступления, к содержанию описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, а часть первая статьи 73 данного Кодекса признает подлежащими доказыванию обстоятельствами наряду с событием преступления (пункт 1) характер и размер вреда, причиненного преступлением (пункт 4), обеспечивая тем самым доказывание предмета заявленного потерпевшим по уголовному делу гражданского иска (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 7-П и от 8 ноября 2016 года № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2016 года № 221-О, от 11 октября 2016 года № 2164-О и др.).

По смыслу указанных норм и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также принимая во внимание принцип законности при производстве по уголовному делу, в силу которого определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (часть четвертая статьи 7 УПК Российской Федерации), принятые в рамках уголовного дела процессуальные решения по гражданскому иску – как промежуточные (признание гражданским истцом, привлечение в качестве гражданского ответчика, наложение ареста на имущество в целях обеспечения иска, продление действия этой принудительной меры, оставление иска без рассмотрения), так и итоговые (отказ в удовлетворении или удовлетворение иска) – требуют обоснования имеющимися доказательствами, подлежащими судебной проверке и оценке.

5. Постановляя приговор, суд разрешает в нем, помимо прочих, вопросы о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере, как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации, как поступить с вещественными доказательствами (пункты 10, 11 и 12 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем в предмет доказывания по уголовному делу, в состав вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора, и в содержание описательно-мотивировочной части обвинительного приговора формально не включен вопрос о правовых основаниях использования имущества лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, для возмещения причиненного преступлением потерпевшему вреда, что позволяет оставить вопрос об обоснованности ранее наложенного на имущество с этой целью ареста нерешенным, хотя суд – в силу специального указания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – обязан мотивировать свои выводы о доказанности оснований для конфискации имущества (пункт 8 части первой статьи 73, пункт 10¹ части первой статьи 299 и пункт 4¹ статьи 307).

Более того, применительно к возможности сохранения после вступления приговора в законную силу ареста, наложенного на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 29 ноября 2012 года № 2227-О отметил следующее. Наложение ареста на имущество относится к мерам процессуального принуждения, применяемым в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора (пункт 4 части первой статьи 111 УПК Российской Федерации), и в качестве таковой носит временный характер, а потому наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле не может выходить за временные рамки уголовно-процессуальных отношений, связанных с расследованием и разрешением данного уголовного дела. Следовательно, часть девятая статьи 115 УПК Российской Федерации,

устанавливающая, что арест на имущество отменяется на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении этой меры отпадает необходимость, в системе действующего правового регулирования предполагает возможность сохранения этой меры лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, но не после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. Иное приводило бы к подмене частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, причем выходящими за временные рамки уголовно-процессуальных отношений, а обеспечение исковых требований посредством сохранения ареста на имущество без процессуальных гарантий защиты прав собственника не отвечало бы предписаниям статей 17, 19, 35 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, влекло бы бессрочное и не контролируемое судом ограничение его прав.

Таким образом, сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление права собственности, не отвечает конституционным критериям справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод, не обеспечивает гарантии охраны собственности законом, вытекающие из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты, а потому противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 1) и 46 (часть 1).

6. Часть вторая статьи 309 УПК Российской Федерации предусматривает возможность признания в приговоре суда за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения (при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с иском, требующие отложения судебного разбирательства) для разрешения в порядке гражданского судопроизводства.

В связи с этим дальнейшее, после постановления приговора, производство по гражданскому иску в целях разрешения в порядке гражданского судопроизводства вопроса о размере возмещения также предполагает возможность обеспечения иска посредством наложения ареста на имущество, который, однако, не может произвольно применяться к имуществу лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия.

Тем не менее необходимость достижения баланса прав и законных интересов лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым, осужденным или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, и на имущество которого наложен арест, с одной стороны, и конституционно защищаемых прав потерпевших от преступлений, с другой стороны, не исключает правомочия федерального законодателя осуществлять правовое регулирование такого ареста для целей возмещения причиненного преступлением вреда, включая предоставление надлежащих процессуальных гарантий защиты прав лиц, у которых находится это имущество, и установление процедурных механизмов перевода ареста этого имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска при обосновании в нем фактической принадлежности имущества, находящегося у лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым, осужденным или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, лицу, признанному приговором виновным в совершении преступления.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 73, часть первую статьи 299 и статью 307 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 1) и 46 (часть 1), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, данные нормы позволяют сохранять после вступления приговора в законную силу арест, наложенный в рамках производства по уголовному делу на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска.

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданки Янмаевой Ирины Вячеславовны и основанные на части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статье 307 УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, в установленном законом порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

25 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 19-П

по делу о проверке конституционности
пункта 6 Правил недискриминационного
доступа к услугам по передаче
электрической энергии и оказания этих
услуг в связи с жалобой акционерного
общества «Верхневолгоэлектромонтаж-НН»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Правительства Российской Федерации – кандидата юридических наук, директора правового департамента ПАО «Россети» Л.Ю.Акимова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем нормативное положение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, объяснения представителя стороны, издавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание представителя Совета Федерации – члена комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству И.В.Рукавишниковой, а также представителей: от Министерства энергетики Российской Федерации – А.Ю.Семейкина и Д.Д.Михеева, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» оспаривает конституционность пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих

сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» (в жалобе ошибочно указан пункт 6 Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 861).

В соответствии с пунктом 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающее устройство потребителя, не вправе препятствовать перетоку через их объекты электрической энергии для такого потребителя и требовать за это оплату (абзац первый);

указанные собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающее устройство потребителя, вправе оказывать услуги по передаче электрической энергии с использованием принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства после установления для них тарифа на услуги по передаче электрической энергии; в этом случае к их отношениям по передаче электрической энергии применяются положения данных Правил, предусмотренные для сетевых организаций (абзац второй);

потребители услуг, опосредованно присоединенные к электрическим сетям, оплачивают услуги по передаче электрической энергии в соответствии с методическими указаниями, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти в области государственного регулирования тарифов (абзац третий).

1.1. Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, решением региональной службы по тарифам Нижегородской области от 26 июня 2015 года № 22/14 с 1 июля 2015 года прекращено действие установленных решением данной службы от 19 декабря 2014 года № 60/98 индивидуальных тарифов на услуги по передаче электрической энергии для взаиморасчетов между АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» и ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Центра и Приволжья». Действие указанных тарифов прекращено в связи с несоответствием АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» пунктам 1, 2 и 4 критериев отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2015 года № 184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям».

Решением Арбитражного суда Нижегородской области от 30 декабря 2016 года, оставленным без изменения арбитражными судами вышестоящих инстанций, АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» было отказано в удовлетворении требований к ПАО «ТНС энерго Нижний Новгород», являющемуся гарантирующим поставщиком электрической энергии на розничном рынке электрической энергии, субъектом которого выступает заявитель, о взыскании 2 023 625 рублей 99 копеек неосновательного обогащения за период с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года, составляющего, по мнению заявителя, расходы на услуги по передаче им электрической энергии иным потребителям. В решениях арбитражных судов указано, что заявитель при отсутствии установленного для него как для территориальной сетевой организации регулирующим органом индивидуального тарифа на услуги по передаче электрической энергии не вправе получать оплату услуг по передаче электрической энергии потребителям. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2017 года АО «Верхневолгоэлектромонтаж-НН» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению заявителя, пункт 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг противоречит статьям 7 (часть 1) и 8 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому данной норме в системе действующего правового регулирования сложившейся

правоприменительной практикой, ограничивает имущественные права собственника (владельца) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям энергопринимающие устройства иных потребителей электрической энергии, препятствуя ему в возмещении его затрат на обеспечение перетока электрической энергии и в извлечении прибыли из указанной деятельности.

1.2. В соответствии с положениями пункта 3 части первой статьи 3, части первой статьи 96 и статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующими статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, гражданин, объединение граждан вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде.

Что касается нормативного правового акта Правительства Российской Федерации, то, как следует из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 января 2004 года № 1-П, он также может быть проверен по жалобе гражданина, объединения граждан в порядке конституционного судопроизводства в случае, если такой нормативный правовой акт принят во исполнение полномочия, возложенного на Правительство Российской Федерации федеральным законом, по вопросу, не получившему содержательной регламентации в этом федеральном законе, и если именно на основании такого уполномочия Правительство Российской Федерации непосредственно осуществило правовое регулирование соответствующих общественных отношений.

Пунктом 1 статьи 21 Федерального закона от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» на Правительство Российской Федерации возложен ряд полномочий по регулированию отношений в сфере электроэнергетики, включая утверждение правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и услугам организаций коммерческой инфраструктуры, правил оказания этих услуг. В рамках реализации данного полномочия Правительство Российской Федерации Постановлением от 27 декабря 2004 года № 861 утвердило Правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, определяющие, в частности, права и обязанности собственников и иных законных владельцев объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающие устройства потребителей электрической энергии.

В соответствии со статьей 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых нормативных положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Таким образом, пункт 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о возможности оплаты собственнику (владельцу) объектов электросетевого хозяйства, утратившему в связи с введением в действие Постановления Правительства Российской Федерации «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» статус территориальной сетевой организации, деятельности по обеспечению перетока электрической энергии ее потребителям на розничном рынке электрической энергии, чьи энергопринимаю-

щие устройства опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации через объекты электросетевого хозяйства указанного собственника (владельца).

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в интересах обеспечения согласия и справедливости свободу экономической деятельности, устанавливает право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами и одновременно допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (преамбула, статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, часть 2; статья 55, часть 3). Приведенные конституционные предписания корреспондируют статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение принадлежащей ему собственности и ее защиту (и вытекающая из этого свобода пользования имуществом, в том числе в целях осуществления предпринимательской деятельности) не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами. Указанные гарантии, выражающие в том числе принцип неприкосновенности собственности, распространяются и на отношения между лицами, оказывающими услуги в сфере электроэнергетики (субъектами электроэнергетики), и потребителями этих услуг.

Соответственно, нормативное регулирование отношений, связанных с оказанием субъектами электроэнергетики услуг потребителям электрической энергии, должно основываться на вытекающих из Конституции Российской Федерации (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3) принципах определенности, справедливости и соразмерности (пропорциональности) вводимых ограничений конституционно значимым целям, с тем чтобы достигался разумный баланс имущественных интересов участников таких правоотношений.

Федеральный закон «Об электроэнергетике» определяет общие принципы организации экономических отношений в сфере электроэнергетики, а также основные принципы государственного регулирования и контроля в указанной сфере. К этим принципам, в частности, относятся: обеспечение бесперебойного и надежного функционирования электроэнергетики в целях удовлетворения спроса на электрическую энергию потребителей, обеспечивающих надлежащее исполнение своих обязательств перед субъектами электроэнергетики (абзац четвертый пункта 1 статьи 6); достижение и соблюдение баланса экономических интересов поставщиков и потребителей электрической энергии (абзац шестой пункта 1 статьи 6 и абзац четвертый пункта 1 статьи 20); обеспечение недискриминационных и стабильных условий для осуществления предпринимательской деятельности в сфере электроэнергетики (абзац восьмой пункта 1 статьи 6); обеспечение доступности электрической энергии для потребителей и защита их прав (абзац пятый пункта 1 статьи 20).

Государственное регулирование отношений между организациями электроэнергетической отрасли и потребителями услуг этих организаций, как подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, призвано не только обеспечить доступность таких услуг для потребителей, нуждающихся в них, но и гарантировать защиту права собственности и права на осуществление предпринимательской деятельности организаций – участников данных правоотношений (определения от 4 октября 2012 года № 1813-О, от 20 декабря 2018 года № 3142-О и др.).

3. Услуги по передаче электрической энергии, согласно Федеральному закону «Об электроэнергетике», представляют собой комплекс организационно и технологически

связанных действий, в том числе по оперативно-технологическому управлению, которые обеспечивают передачу электрической энергии через технические устройства электрических сетей в соответствии с обязательными требованиями и совершение которых может осуществляться с учетом особенностей, установленных пунктом 11 статьи 8 данного Федерального закона (абзац двенадцатый статьи 3).

Порядок взаимодействия субъектов розничных рынков, участвующих в обороте электрической энергии, с сетевой организацией в целях оказания услуг по передаче электрической энергии определяется в соответствии с Правилами недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг (пункт 120 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 года № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»).

Согласно абзацу второму пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающее устройство потребителя, вправе оказывать услуги по передаче электрической энергии с использованием принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства после установления для них тарифа на услуги по передаче электрической энергии.

Однако в силу абзаца второго пункта 24 Правил государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 года № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике») основанием для установления (пересмотра), а также продолжения действия установленной цены (тарифа) на услуги по передаче электрической энергии в отношении юридического лица, владеющего на праве собственности или на ином законном основании объектами электросетевого хозяйства, является его соответствие критериям отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям.

В соответствии с абзацем тридцать первым статьи 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» территориальная сетевая организация – это коммерческая организация, которая оказывает услуги по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства, не относящихся к единой национальной (общероссийской) электрической сети, а в случаях, установленных данным Федеральным законом, – с использованием объектов электросетевого хозяйства или части указанных объектов, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, и которая соответствует утвержденным Правительством Российской Федерации критериям отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям. Указанные критерии утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» и представляют собой требования к техническим параметрам названных объектов электросетевого хозяйства (линий электропередач, трансформаторных и иных подстанций, другого предназначенного для обеспечения электрических связей и передачи электрической энергии оборудования), количественным и качественным показателям деятельности их собственников (владельцев).

Таким образом, в системе действующего правового регулирования правом на оказание возмездных услуг по передаче электрической энергии ее потребителям на розничных рынках электрической энергии наделены территориальные сетевые организации. Они оказывают названные услуги на основании договора о возмездном оказании услуг по передаче электрической энергии и установленного уполномоченным органом исполнительной власти тарифа. При этом, согласно пункту 15¹ Правил недискримина-

ционного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, стоимость услуг по передаче электрической энергии определяется исходя из тарифа на услуги по передаче электрической энергии, определяемого в соответствии с разделом V данных Правил, и объема (объемов) оказанных услуг по передаче электрической энергии.

4. Содержащиеся в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» требования, которые после введения этого Постановления в действие неоднократно ужесточались, объективно направлены на сокращение числа территориальных сетевых организаций и их возможную консолидацию (укрупнение).

Из позиции, изложенной в пункте 11 информационного письма Федеральной службы по тарифам № ЕП-7170/12 и Министерства энергетики Российской Федерации № ВК-7135/09 от 26 июня 2015 года «О применении постановления Правительства Российской Федерации от 28.02.2015 № 184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям», следует, что в случае несоответствия владельцев объектов электросетевого хозяйства одному или нескольким критериям их отнесения к территориальным сетевым организациям они могут принять в том числе следующие решения: «объединиться» (укрупниться) с другими владельцами объектов электросетевого хозяйства, взять в аренду (эксплуатацию) или приобрести в собственность дополнительные объекты электросетевого хозяйства; передать в аренду (эксплуатацию) или продать свои объекты электросетевого хозяйства.

Такое регулирование в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2012 года № 1567 «Об открытом акционерном обществе «Российские сети» и Стратегией развития электросетевого комплекса Российской Федерации, разработанной во исполнение данного Указа на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 года № 511-р), имеет целью повышение эффективности электросетевого комплекса страны, обеспечение необходимого уровня надежности и качества энергоснабжения потребителей электрической энергии.

Если же организация, переставшая отвечать нормативно установленным критериям территориальной сетевой организации, по тем или иным причинам не предпринимает действий по восстановлению данного статуса, то она переходит в разряд потребителей электрической энергии. С момента утраты организацией статуса территориальной сетевой организации любое произведенное ранее технологическое присоединение энергопринимающих устройств иных потребителей электрической энергии к объектам ее электросетевого хозяйства приобретает значение опосредованного присоединения.

Собственники (владельцы) объектов электросетевого хозяйства после утраты ими статуса территориальной сетевой организации обязаны как потребители электрической энергии продолжать эксплуатацию принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства в соответствии с требованиями Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей, утвержденных приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 13 января 2003 года № 6, и не вправе препятствовать перетоку через их объекты электросетевого хозяйства электрической энергии иным потребителям и требовать за это оплату (пункт 4 статьи 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» и абзац первый пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг).

В системе действующего правового регулирования предусмотренный пунктом 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг запрет требовать оплату за переток электрической энергии означает не только запрет на получение собственниками (владельцами) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающие устройства иных потребителей, дохода от этой деятельности, но и запрет на возмещение им расходов, которые они несут при

ее осуществлении. Такое понимание оспариваемого нормативного положения нашло отражение и в судебной практике (определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2017 года № АПЛ16-632, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 июля 2017 года № А43-31392/2016, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 апреля 2018 года № Ф04-790/2018 и др.).

4.1. Утрата собственниками (владельцами) объектов электросетевого хозяйства статуса территориальных сетевых организаций влечет прекращение у них права возмездного оказания услуг по передаче электрической энергии. Прекращение данного права сопряжено с тем, что эти собственники (владельцы) утратили возможность осуществлять деятельность по передаче электрической энергии и отвечают исключительно за переток электрической энергии через свои объекты электросетевого хозяйства иным ее потребителям.

Так, в соответствии с Федеральным законом «Об электроэнергетике» в круг прав и обязанностей указанных собственников (владельцев) не входят, в частности, следующие функции территориальных сетевых организаций, необходимые для осуществления деятельности по передаче электрической энергии: осуществление нормативно установленного комплекса мер по управлению технологическими режимами работы объектов электроэнергетики и энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии (статья 3); регулярное представление в антимонопольный орган информации о своей деятельности в соответствии со стандартами, установленными указанным органом (пункт 7 статьи 25); осуществление инвестиционных программ, направленных на расширение электрических сетей (пункт 1 статьи 26 и пункт 6 статьи 29). Кроме того, указанные собственники (владельцы) не несут ответственности перед потребителями электрической энергии за надежность обеспечения их электрической энергией и ее качество в соответствии с требованиями технических регламентов и иными обязательными требованиями (пункт 1 статьи 38 названного Федерального закона).

При этом деятельность собственников (владельцев) объектов электросетевого хозяйства по обеспечению перетока электрической энергии через свои объекты электросетевого хозяйства иным потребителям электрической энергии, не предусматривающая в системе действующего правового регулирования получение от нее дохода как от предпринимательской или иной экономической деятельности, является одним из средств обеспечения передачи территориальными сетевыми организациями электрической энергии потребителям. Такой переток осуществляется в имеющих публичное значение интересах потребителей электрической энергии тогда, когда другие способы технологического присоединения их энергопринимающих устройств к электрическим сетям территориальных сетевых организаций технически невозможны или экономически для них не выгодны.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях подчеркивал, что такое правовое регулирование связано с публичной значимостью объектов электросетевого хозяйства, находящихся в собственности (владении) территориальных сетевых организаций, потребителей электрической энергии, спецификой их деятельности (определения от 17 июля 2014 года № 1580-О и от 23 июня 2016 года № 1370-О) и само по себе направлено на защиту прав потребителей электрической энергии (определения от 23 июня 2015 года № 1463-О и от 23 ноября 2017 года № 2639-О), в частности предотвращая необоснованное повышение для них платы за электрическую энергию, и в этом качестве служит реализации предписаний статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, оспариваемое нормативное положение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не противоречит Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно исключает для собственника (владельца) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно

присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации энергопринимающие устройства иных потребителей, получение дохода от деятельности по обеспечению перетока электрической энергии.

Вместе с тем возложение на собственников (владельцев) объектов электросетевого хозяйства обязанности по обеспечению перетока электрической энергии через свои объекты электросетевого хозяйства иным ее потребителям не снимает с государства, субъектов электроэнергетики обязанность по развитию электроэнергетической системы Российской Федерации, включая электрические сети, в том числе в целях сокращения случаев опосредованного технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей к электрическим сетям территориальных сетевых организаций.

4.2. Надлежащее обеспечение собственниками (владельцами) объектов электросетевого хозяйства перетока электрической энергии ее потребителям, чьи энергопринимающие устройства опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации через объекты электросетевого хозяйства указанных собственников (владельцев), притом что такая деятельность не может являться для последних источником получения дохода, требует от них несения необходимых затрат (расходов).

Так, Федеральным законом «Об электроэнергетике» на них возложена обязанность оплачивать стоимость потерь, возникающих при эксплуатации принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства (абзац третий пункта 4 статьи 26), что предполагает оплату ими стоимости потерь электрической энергии, возникающих в принадлежащих им объектах электросетевого хозяйства в связи с перетоком электрической энергии иным ее потребителям.

В соответствии с Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии потери электрической энергии, возникающие в принадлежащих таким собственникам (владельцам) объектах электросетевого хозяйства, приравниваются к потреблению электрической энергии и оплачиваются ими в рамках заключенных договоров, обеспечивающих продажу электрической энергии (мощности) на розничных рынках, с учетом оплаты стоимости услуг по передаче электрической энергии (пункт 129); при отсутствии заключенного в письменной форме договора о приобретении электрической энергии (мощности) для целей компенсации потерь электрической энергии или договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничных рынках, собственники (владельцы) объектов электросетевого хозяйства оплачивают стоимость электрической энергии в объеме фактических потерь электрической энергии гарантирующему поставщику, в границах зоны деятельности которого расположены их объекты электросетевого хозяйства (пункт 130).

Действующее законодательство наделяет владельца энергопринимающих устройств, ранее технологически присоединенных в надлежащем порядке к объектам электросетевого хозяйства сетевой организации, правом опосредованного присоединения к принадлежащим ему объектам электросетевого хозяйства энергопринимающих устройств иных лиц по согласованию с соответствующей территориальной сетевой организацией и при условии соблюдения выданных ранее технических условий. При этом стороны такого опосредованного присоединения заключают соглашение о перераспределении мощности между принадлежащими им энергопринимающими устройствами, в котором, в частности, предусматривают порядок компенсации сторонами опосредованного присоединения потерь электрической энергии в электрических сетях владельца ранее присоединенных энергопринимающих устройств (пункты 40⁴, 40⁵, 40⁷ и 40⁸ Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям).

Это означает, что потребитель электрической энергии не лишен возможности обусловить свое согласие на опосредованное присоединение энергопринимающих

устройств иного лица к электрическим сетям территориальной сетевой организации через объекты электросетевого хозяйства этого потребителя электрической энергии включением в соглашение о перераспределении мощности между сторонами опосредованного присоединения положения, согласно которому потери электрической энергии в его электрических сетях, связанные с перетоком через них электрической энергии иному лицу, возлагаются частично или в полном объеме на это лицо.

Вместе с тем для территориальных сетевых организаций установлен иной порядок технологического присоединения к их электрическим сетям энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии. Согласно Правилам технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, сетевая организация обязана выполнить в отношении любого обратившегося к ней лица мероприятия по технологическому присоединению при условии соблюдения им данных Правил и наличии технической возможности технологического присоединения. В соответствии с пунктом 3 этих Правил независимо от наличия или отсутствия технической возможности технологического присоединения на дату обращения заявителя сетевая организация обязана заключить договор с лицами, указанными в пунктах 12¹, 14 и 34 данных Правил, обратившимися в сетевую организацию с заявкой на технологическое присоединение энергопринимающих устройств, принадлежащих им на праве собственности или на ином предусмотренном законом основании, а также выполнить в отношении энергопринимающих устройств таких лиц мероприятия по технологическому присоединению. Технологическое присоединение осуществляется на основании договора, заключаемого между сетевой организацией и юридическим или физическим лицом, в сроки, установленные названными Правилами; заключение договора является обязательным для сетевой организации; при необоснованном отказе или уклонении сетевой организации от заключения договора заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с иском о понуждении к заключению договора и взыскании убытков, причиненных таким необоснованным отказом или уклонением (пункт 6 данных Правил).

При этом финансовые и иные затраты территориальных сетевых организаций на содержание принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства в целях передачи электрической энергии ее потребителям покрываются за счет оплаты стоимости оказанных данными субъектами электроэнергетики услуг по передаче электрической энергии. Тем самым достигается баланс экономических интересов поставщиков электрической энергии, территориальных сетевых организаций и потребителей электрической энергии (абзац шестой пункта 1 статьи 6 Федерального закона «Об электроэнергетике»).

Однако если собственники (владельцы) объектов электросетевого хозяйства, заключившие договоры о технологическом присоединении с потребителями электрической энергии в качестве территориальных сетевых организаций, утратили этот статус, такие собственники (владельцы) в дальнейшем не вправе в одностороннем порядке расторгнуть названные договоры или изменить их существенные условия, в том числе в силу действия принципа однократности технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии. В результате такие собственники (владельцы) вынуждены самостоятельно оплачивать стоимость потерь электрической энергии, возникающих в связи с обеспечением ими ее перетока через свои объекты электросетевого хозяйства иным потребителям электрической энергии, договоры о технологическом присоединении с которыми они заключили в существенно иных экономических условиях.

Кроме несения расходов на оплату потерь электрической энергии в объектах электросетевого хозяйства, собственники (владельцы) таких объектов, в силу возложенного на них статьей 210 ГК Российской Федерации бремени содержания принадлежащего им имущества, несут расходы по содержанию таких объектов, в том числе в части обеспечения беспрепятственного перетока электрической энергии иным ее потребителям.

Из абзаца третьего пункта 4 статьи 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» следует, что использование объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены энергопринимающие устройства потребителей электрической энергии к электрическим сетям, осуществляется не только для перетока электрической энергии в интересах данных потребителей. С помощью указанных объектов электросетевого хозяйства их собственники (владельцы) осуществляют переток энергии, в том числе в интересах территориальной сетевой организации, к которой опосредованно присоединены энергопринимающие устройства потребителей электрической энергии. Тем самым собственники (владельцы) указанных объектов электросетевого хозяйства, по сути, принимают на себя часть имеющих публичное значение функций данной территориальной сетевой организации. При этом расходы, которые они несут в связи с обеспечением перетока электрической энергии ее потребителям, договоры о технологическом присоединении с которыми были заключены ими в статусе территориальной сетевой организации, не могут рассматриваться как принятые ими на себя добровольно. Возложение данных расходов исключительно на указанных собственников (владельцев) объектов электросетевого хозяйства не соответствует конституционным критериям ограничения конституционных прав граждан, нарушает принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и требует установления правового механизма возмещения данных расходов, отвечающего принципам справедливости и соразмерности (преамбула и статья 8; статья 19, части 1 и 2; статья 34, часть 1; статья 35, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Препятствием для установления такого правового механизма не может служить положение абзаца третьего пункта 4 статьи 26 Федерального закона «Об электроэнергетике», обязывающее собственников (владельцев) объектов электросетевого хозяйства оплачивать стоимость потерь, возникающих при эксплуатации названных объектов, поскольку оно не исключает права собственников (владельцев) объектов электросетевого хозяйства требовать в установленном порядке возмещения понесенных и оплаченных ими расходов на переток электрической энергии иным ее потребителям.

Таким образом, пункт 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг не соответствует Конституции Российской Федерации, ее преамбуле, статьям 8, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он исключает для собственника (владельца) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации энергопринимающие устройства иных потребителей, возможность возмещения расходов, понесенных им в связи с обеспечением перетока электрической энергии тем ее потребителям, договоры о технологическом присоединении с которыми были заключены им в статусе территориальной сетевой организации (организации, которой установлен индивидуальный тариф на возмездное оказание услуг по передаче электрической энергии).

Правительству Российской Федерации надлежит в срок не позднее 1 января 2020 года установить правовой механизм возмещения указанных расходов. При этом федеральный законодатель не лишен возможности внести соответствующие изменения в законодательное регулирование, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении.

Исходя из значимости стабильного функционирования электроэнергетического хозяйства для экономики и обеспечения жизнедеятельности граждан, а также учитывая специфику регулирования размера платежей и порядка расчетов между участниками отношений в этой сфере, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает возможным установить, что впредь до введения в действие названного правового механизма пункт 6 Правил неди-

скриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг подлежит применению в действующей редакции; при этом собственники (владельцы) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации электропринимающее устройство потребителя, не вправе препятствовать перетоку через их объекты электрической энергии для такого потребителя и требовать за это оплату.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее преамбуле, статьям 8, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он исключает для собственника (владельца) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации энергопринимающие устройства иных потребителей, возможность возмещения расходов, понесенных им в связи с обеспечением перетока электрической энергии тем ее потребителям, договоры о технологическом присоединении с которыми были заключены им в статусе территориальной сетевой организации.

2. Правительству Российской Федерации надлежит – руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, – в срок не позднее 1 января 2020 года внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование.

Впредь до вступления в силу нового правового регулирования пункт 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг подлежит применению в действующей редакции.

3. Судебные решения по делу акционерного общества «Верхневолгоэлектромонтаж-НН», вынесенные на основании пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, подлежат пересмотру на основании нового правового регулирования, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

22 мая
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 20-П

по делу о проверке конституционности
пункта 2¹ части второй статьи 30
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации в связи с
запросом Ленинградского областного
суда

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ленинградского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации суд первой инстанции в составе судьи районного суда, гарнизонного военного суда и коллегии из шести присяжных заседателей рассматривает по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью пятой статьи 228¹, частью четвертой статьи 229¹, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 данного Кодекса, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 105 и частью четвертой статьи 111 данного Кодекса, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

В производстве Кировского городского суда Ленинградской области находится уголовное дело по обвинению гражданина Д., являющегося совершеннолетним, и несовершеннолетних Д., К. и С. в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации. После ознакомления с материалами дела в порядке, определенном статьей 217 УПК Российской Федерации, совершеннолетний обвиняемый заявил ходатайство, подтвержденное им в ходе предварительного слушания, о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, в то время как несовершеннолетние обвиняемые, их законные представители и защитники выразили несогласие с применением этой формы судопроизводства, ссылаясь на невозможность

рассмотрения дела в отношении несовершеннолетних таким судом, и ходатайствовали о выделении их дела в отдельное производство.

Постановлением Кировского городского суда Ленинградской области от 10 сентября 2018 года на основании пункта 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации уголовное дело в отношении всех подсудимых назначено к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Отказывая при этом в удовлетворении ходатайств о выделении дела в отдельное производство, суд исходил из того, что, поскольку несовершеннолетним подсудимым предъявлено обвинение в совместном совершении преступления в составе одной группы лиц с совершеннолетним подсудимым, действия всех ее участников подлежат оценке в их совокупности. Выделение же дела в отношении части подсудимых препятствовало бы, по мнению суда, всесторонности и объективности разрешения как выделенного дела, так и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей. Изучив апелляционные жалобы, поданные на указанное решение адвокатами, действующими в защиту интересов несовершеннолетних К. и С., Ленинградский областной суд пришел к выводу о наличии неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации подлежащий применению им пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, и, приостановив производство по жалобам, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого законоположения.

По мнению Ленинградского областного суда, данная норма, исключая возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, находится в коллизии с частью второй статьи 325 УПК Российской Федерации, закрепляющей обязательность рассмотрения уголовного дела с применением этой формы судопроизводства в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявил ходатайство о рассмотрении дела таким судом, даже при наличии возражений со стороны остальных подсудимых, когда невозможно выделить дело в их отношении в отдельное производство. При таких обстоятельствах, как утверждает в запросе, пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации порождает неустранимый средствами отраслевого истолкования конфликт конституционных ценностей, нашедших отражение в статьях 19 и 47 Конституции Российской Федерации, поскольку фактически лишает лицо, достигшее к моменту совершения преступления совершеннолетия, права на рассмотрение его дела законным составом суда (в том числе с участием присяжных заседателей) в случае совершения им предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации преступления в соучастии с несовершеннолетними и невозможности выделить дело в отношении несовершеннолетних подсудимых в отдельное производство.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности рассмотреть по ходатайству подсудимого, совершившего преступление в совершеннолетнем возрасте, уголовное дело, отнесенное к предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей, применительно к случаям, когда выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении совместно с ним участвовавших в совершении преступления несовершеннолетних подсудимых признано невозможным ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения как дела, выделенного в отдельное производство, так и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в главе 2 права и свободы человека и гражданина, включает в их число право обвиняемого в совершении

преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (статья 47, часть 2), а в главе 7 о судебной власти и прокуратуре указывает также, что, если это предусмотрено федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей (статья 123, часть 4).

Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу приведенных конституционных положений, данное право – в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности – не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, не подлежащего изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве одной из его процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Как следует из этих статей, определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, а равно изменение его ранее установленной подсудности относятся к ведению федерального законодателя и не могут расцениваться *per se* в качестве ограничения права на судебную защиту (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П).

Вместе с тем законодательное определение компетенции суда с участием присяжных заседателей не должно сопровождаться нарушением прав и свобод человека и гражданина, а также их конституционных гарантий, – на исключение подобных нарушений ориентируют законодательную власть правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации относительно вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допустимых пределов ограничения прав и свобод. Такие ограничения возможны лишь при обеспечении их соразмерности конституционно признаваемым целям и при сохранении существа и реального содержания затронутого права. Дискреция федерального законодателя в регулировании реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд, в том числе с участием присяжных заседателей, не абсолютна и не освобождает его от обязанности не допускать – при обеспечении принципа справедливого судебного разбирательства – умаления права на судебную защиту и регламентировать подсудность уголовных дел с учетом требований правовой определенности. При этом он должен учитывать, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, судопроизводство с участием присяжных заседателей, когда не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно разрешает вопрос о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость. Недопустим произвольный и необоснованный отказ федерального законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определенной Конституцией Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для осуществления всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П признал не противоречащим Конституции Российской Федерации порядок, при котором имеет место полное изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях, таких как вооруженный мятеж и насильственный захват власти, вызванное их повышенной сложностью и спецификой самих преступлений, предопределяющих в современных условиях правомочие именно профессиональных судей, а не коллегии присяжных делать вывод о виновности или невиновности в этих деяниях на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств.

В Определении от 28 июня 2012 года № 1274-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что пункты 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, как исключаящие по предметному признаку из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела об определенных категориях преступлений, не предполагают возможность рассмотрения дела таким судом, даже если отдельным обвиняемым по делу данные преступления не вменяются, но выделить в отдельное производство дело в их отношении невозможно. В таком случае дело подлежит рассмотрению в отношении всех подсудимых судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, являющимся законным судом для всех подсудимых. Иное приводило бы либо к нарушению законодательного исключения из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел о соответствующих преступлениях, а потому к разрешению дела незаконным составом суда, либо к его разрешению в условиях, не отвечающих требованиям справедливости, всесторонности и объективности.

Выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в названных решениях, касаются лишь ситуации, когда государство вывело уголовные дела о преступлениях, вмененных некоторым подсудимым по делу, из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей. Правовая позиция о невозможности рассмотреть дело в таком случае судом с участием присяжных заседателей сохраняет свою силу, и настоящее Постановление ее не затрагивает.

2.2. В Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал конституционным пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу положений Уголовного кодекса Российской Федерации не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, поскольку подсудность таких дел определяется исключительно на основании закона, с учетом особенностей производства по уголовным делам несовершеннолетних и установленных для них дополнительных процессуальных гарантий, включая право на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей и расширенные возможности апелляционного обжалования.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации принял названное решение по предмету, существенно отличающемуся от затронутого в запросе Ленинградского областного суда, а именно применительно к ситуации, когда несовершеннолетний обвиняется в совершении преступлений не в соучастии, а единолично, ввиду чего в его уголовном деле отсутствует необходимость изыскания баланса конституционных ценностей, имея в виду законные интересы совершеннолетнего, который бы обвинялся по тому же делу и настаивал на рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей.

Кроме того, согласно данному Постановлению изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, – при предоставлении несовершеннолетнему, обвиняемому в соответствующем преступлении, права на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей в качестве дополнительной процессуальной гарантии законного, объективного, беспристрастного и справедливого разрешения дела – не ухудшает положение несовершеннолетних и не вводит дискриминирующие различия в их обеспечении эффективной судебной защитой по сравнению с совершеннолетними. Указанное изъятие не отражается негативно на положении несовершеннолетних обвиняемых, но лишь при условии предоставления им альтернативных гарантий защиты их прав и законных интересов, с тем чтобы при применении к ним уголовного закона обеспечивался учет социальных, возрастных и психофизиологических

особенностей этой категории лиц. Вместе с тем сказанное не равнозначно обратному утверждению – что рассмотрение судом с участием присяжных заседателей дел по обвинению несовершеннолетних неизбежно связано с ухудшением их положения; по смыслу данного Постановления, такое рассмотрение не является, в конституционно-правовом аспекте, принципиально недопустимым.

3. Приведенными правовыми позициями предопределяются принципиальные параметры конституционно-правового истолкования и применения нормы права, которые должны быть приняты во внимание при разрешении коллизии интересов совершеннолетних обвиняемых и их несовершеннолетних соучастников в тех случаях, когда выделение в отдельное производство уголовного дела неприемлемо с точки зрения негативных последствий для достижения целей правосудия. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, в судебной практике должно обеспечиваться – с целью соблюдения конституционно-правового баланса интересов и с учетом высшей юридической силы и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1) – конституционное истолкование применяемых нормативных положений, исходя из чего в процессе реализации дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается возможность ущемления гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод (постановления от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 21 января 2019 года № 6-П и др.).

Пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, будучи включенным в часть первую «Общие положения» этого кодифицированного правового акта, устанавливает правила определения предметной и персональной подсудности районного суда (гарнизонного военного суда) при рассмотрении им по ходатайству обвиняемого уголовного дела с участием присяжных заседателей, в том числе предусматривает изъятие из нее дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. В то же время часть вторая статьи 325 данного Кодекса – в отступление от общего правила о свободе выбора обвиняемыми одной из законных форм судопроизводства – закрепляет для случаев возникновения между ними разногласий, когда часть из них отказывается от суда с участием присяжных заседателей, а выделение дела в их отношении в отдельное производство невозможно, приоритет рассмотрения уголовного дела именно с участием присяжных заседателей. Эта норма помещена в часть третью «Судебное производство» данного Кодекса, которая специальным образом регулирует, помимо прочего, порядок уголовного судопроизводства в суде первой инстанции (раздел IX) и с участием присяжных заседателей (раздел XII). Тем самым часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, имеющая своим основанием провозглашенное статьей 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей и предназначенная для регламентации отношений в особенной сфере правового регулирования, по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства выступает в качестве специальной нормы по отношению к общим положениям данного Кодекса о персональной подсудности дел несовершеннолетних обвиняемых, а значит, в случае коллизии между ними она обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

При этом приоритет, отданный праву обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, осуществляемом, в силу статьи 324 УПК Российской Федерации, в общем порядке с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 данного Кодекса, не предполагает игнорирование установленных главой 50 и другими его положениями, специально регулирующими производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, повышенных

гарантий защиты их прав и законных интересов. В частности, к несовершеннолетнему, привлеченному по одному уголовному делу вместе со взрослым, но нуждающемуся в особой правовой защите ввиду его возрастных, психоэмоциональных и интеллектуальных возможностей, во всяком случае должны применяться закрепленные данным Кодексом требования об обязательном участии в делах несовершеннолетних защитника, о специфике круга устанавливаемых по этой категории дел обстоятельств, ограничении времени допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), участии в допросе педагога и психолога, а в судебном разбирательстве – законного представителя несовершеннолетнего (пункт 2 части первой статьи 51, статьи 421, 425 и 428). В целях обеспечения конфиденциальности судебного процесса в случаях, когда рассматриваются дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет, допускается проведение закрытого судебного разбирательства по решению суда, который также вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, способных оказать на него отрицательное воздействие, с обязательным сообщением ему по возвращении в зал судебного заседания в необходимом объеме и форме содержания судебного разбирательства, происшедшего в его отсутствие, и предоставлением возможности задать вопросы лицам, допрошенным в его отсутствие (пункт 2 части второй статьи 241 и статья 429 данного Кодекса).

Кроме того, согласно части восьмой статьи 335 УПК Российской Федерации сведения о личности подсудимого – оглашение которых при производстве по делам несовершеннолетних, как правило, нуждается в соблюдении условий конфиденциальности – подлежат исследованию с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого подсудимый обвиняется. В соответствии же с частью третьей статьи 346 данного Кодекса последствия обвинительного вердикта, в том числе касающиеся назначения наказания, когда особое значение приобретает исследование полных сведений о личности несовершеннолетнего, должны обсуждаться без участия присяжных заседателей.

4. Принимая во внимание особую конституционно-правовую значимость права граждан на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, а также необходимость соблюдения справедливого баланса интересов, связанных с обеспечением права каждого на законный суд, по смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 4), совершеннолетний подсудимый не может быть лишен конституционного права быть судимым судом с участием присяжных заседателей в ситуации, когда он заявил в соответствии с частью второй статьи 325 УПК Российской Федерации ходатайство о рассмотрении таким судом уголовного дела, по которому наряду с ним привлечены и несовершеннолетние подсудимые, а выделение в отдельное производство дела в отношении совместно участвовавших в совершении преступления несовершеннолетних признано судом невозможным, как препятствующее всесторонности и объективности процесса.

Таким образом, пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, применяемый в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку предполагает рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении совершеннолетнего подсудимого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела таким судом, и лиц, совместно с ним участвовавших в совершении преступления в несовершеннолетнем возрасте, в случае, когда выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетних признано судом невозможным, как препятствующее всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии, что среди вмененных подсудимым нет преступлений, дела о которых в силу

осуществленного федеральным законодателем в рамках своей дискреции регулирования выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей.

Иное влекло бы за собой – в отступление от предписаний статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – недопустимое ограничение гарантируемого ее статьей 47 (часть 2) права обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, как допускающий – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса, – возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению в совместном совершении преступления лица, достигшего к моменту его совершения совершеннолетия, и несовершеннолетних лиц в случае, если суд придет к выводу о невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии отсутствия среди вмененных подсудимым тех преступлений, дела о которых выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 2¹ части второй статьи 30 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28 мая
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 21-П

по делу о проверке конституционности
статьи 19 Федерального закона «Об
охоте и о сохранении охотничьих
ресурсов и о внесении изменений
в отдельные законодательные акты
Российской Федерации» в связи с
жалобой гражданина Г.К.Щукина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием гражданина Г.К.Щукина и его представителя – адвоката В.С.Цвиля, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации М.П.Беспаловой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Г.К.Щукина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г.Ярославцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации – С.В.Иванова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 19 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинами, а также лицами, которые не относятся к указанным народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является

основой существования (часть 1); охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления (часть 2); продукция охоты, полученная при осуществлении охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, используется для личного потребления или реализуется организациям, осуществляющим деятельность по закупке продукции охоты (часть 3).

Заявитель по настоящему делу гражданин Г.К.Щукин, этнический долган, являющийся одним из учредителей и председателем семейной (родовой) общины коренного малочисленного народа – долган, а также президентом местной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, приговором Дудинского районного суда Красноярского края от 28 декабря 2017 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением судьи Красноярского краевого суда от 27 февраля 2018 года, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 33 и частью второй статьи 258 УК Российской Федерации (подстрекательство к незаконной охоте, совершенной группой лиц по предварительному сговору). Г.К.Щукину назначено наказание в виде штрафа в размере ста двадцати тысяч рублей, от назначенного наказания он освобожден в связи с амнистией.

Согласно названным судебным решениям, противоправное деяние заявителя выразилось в том, что он, используя свой статус президента местной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, в сентябре 2014 года в ходе личных встреч с председателями семейных (родовых) общин предложил им произвести отстрел диких северных оленей. Г.К.Щукин указал каждому председателю, какое количество особей надо добыть, пообещал подготовить все необходимые документы для вывоза туш добытых оленей, организовать их вывоз и реализацию, а также убедил председателей семейных (родовых) общин, что на основании действующего правового регулирования каждый член общины имеет право добыть без разрешения восемь особей диких северных оленей в течение календарного года и при этом общины вправе поручить одному или нескольким своим членам добычу в объеме, рассчитанном на всех членов общины. Назначенными общинами охотниками был произведен отстрел 217 оленей, тогда как, согласно позиции судов, право на охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в пределах нормативно установленных лимитов для удовлетворения личных нужд не может быть передано одними членами общины другим ее членам. Судами также установлено, что заявитель приобрел у общин туши оленей (за деньги, горюче-смазочные материалы, другие необходимые им предметы, например, снегоход) и осуществил их дальнейшую реализацию перерабатывающим организациям в отсутствие документов, подтверждающих законность их добычи.

В передаче кассационной жалобы Г.К.Щукина на состоявшиеся по его уголовному делу судебные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано (определение судьи Красноярского краевого суда от 21 июня 2018 года). В Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой заявитель не обращался.

По мнению Г.К.Щукина, оспариваемые нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 7, 38 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 55 (часть 2) и 69, в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они предполагают, что право лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, на охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности может быть реализовано только лично каждым членом семейных (родовых) общин,

и не допускают осуществления данного права одним или несколькими охотниками из числа членов общины, уполномоченными другими членами общины, в пределах нормативно установленных лимитов, рассчитанных исходя из количества членов общины, делегировавших осуществление этого права.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой на основании ее положений решается вопрос о законности передачи членами общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации одному или нескольким членам общины права добычи объектов животного мира.

2. В Российской Федерации как правовом и социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1; статья 9, часть 1; статья 34, часть 1, и статья 69 Конституции Российской Федерации).

Конституция Российской Федерации относит к ведению Российской Федерации регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 71, «пункт «в»»), а защита прав и свобод человека и гражданина, вопросы владения, пользования и распоряжения водными и другими природными ресурсами, природопользование и охрана окружающей среды, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункты «б», «в», «д», «м» части 1). По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации, а по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (статья 76, части 1 и 2).

Конкретизируя статью 69 Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель определил, что коренными малочисленными народами Российской Федерации признаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (абзац первый пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Под традиционным образом жизни малочисленных народов понимается исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований, а под исконной средой обитания малочисленных народов – исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни (пункты 2 и 3 статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Среди коренных малочисленных народов Российской Федерации особое место занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, которое обусловлено географическими и климатическими особенностями их исконной среды обитания, представляющей собой преимущественно сухопутную территорию Арктической зоны Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»), что предопределило в качестве традиционной основы их жизнедеятельности такие занятия (виды хозяйственной деятельности), как охота, рыболовство и оленеводство, притом что осуществление ими земледелия не соответствует их традиционному образу жизни и зачастую вовсе невозможно в силу природных условий. Улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности является одним из стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации в Арктике в соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 года № Пр-1969).

Таким образом, в соответствии с названными конституционными положениями на федеральном законодательстве лежит обязанность урегулировать права лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, связанные с ведением традиционного образа жизни, традиционной хозяйственной деятельности и промыслов, в частности права, связанные с природопользованием (охотой, рыболовством и т.д.), учитывая при этом специфику их жизнеобеспечения и социальной организации и гарантируя сохранение основы их самобытности.

3. Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» как нормативный правовой акт общего действия, регулируя отношения, возникающие в связи с осуществлением видов деятельности в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, закрепил в числе принципов данного регулирования учет интересов населения, для которого охота является основой существования, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и предусмотрел охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в качестве самостоятельного вида охоты (пункт 4 статьи 2, часть 1 статьи 4 и пункт 7 части 1 статьи 12).

Право на охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности предоставлено лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинам, а также лицам, которые не относятся к указанным народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования (часть 1 статьи 19 данного Федерального закона).

Данный вид охоты осуществляется свободно в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления и определяемом с учетом лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, установленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, т.е. не требует получения каких-либо разрешений (часть 2 статьи 19 данного Федерального закона, пункт 2 статьи 333² Налогового кодекса Российской Федерации и пункт 11 Правил охоты, утвержденных приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16 ноября 2010 года № 512). Все другие виды охоты могут осуществляться только после получения разрешения на добычу охотничьих ресурсов, в рамках процедуры выдачи которого определяется конкретный разрешенный объем добычи охотничьих ресурсов для отдельного охотника с учетом уста-

новленных лимитов добычи охотничьих ресурсов и квот их добычи (часть 5 статьи 13, части 3 и 4 статьи 14, части 3 и 4 статьи 15, часть 3 статьи 16, часть 2 статьи 17 и часть 3 статьи 18 данного Федерального закона).

Объекты животного мира, добываемые для удовлетворения личных нужд лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и лицами, которые не относятся к указанным народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования, в пределах установленных лимитов, не признаются объектами обложения сборами за пользование объектами животного мира в изъятие из общего принципа платности природопользования, в частности платности пользования охотничьими ресурсами (статья 42 данного Федерального закона).

Федеральным законом «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также предусмотрено, что продукция охоты, полученная при осуществлении охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, используется для личного потребления или реализуется организациям, осуществляющим деятельность по закупке продукции охоты (часть 3 статьи 19).

Таким образом, по смыслу приведенного правового регулирования, установленный им порядок охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности характеризуется особым правовым режимом, в рамках которого – в отличие от иных видов охоты – такая охота выступает для соответствующей категории лиц основой существования и самобытности.

4. На охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности распространяются общие требования Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» о том, что добыча охотничьих ресурсов (отлов или отстрел охотничьих ресурсов) может осуществляться только лицом, имеющим статус охотника, для приобретения которого, по общему правилу, требуется оформление охотничьего билета, который выдается физическим лицам, обладающим гражданской дееспособностью в соответствии с гражданским законодательством, не имеющим непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления и ознакомившимся с требованиями охотничьего минимума.

Охотник должен иметь при себе охотничий билет, а в случае использования охотничьего оружия, на которое требуется разрешение в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», – разрешение на хранение и ношение оружия (статьи 20 и 21 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). При этом в соответствии с Порядком выдачи и аннулирования охотничьего билета единого федерального образца, утвержденным приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 20 января 2011 года № 13, при выдаче охотничьего билета лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также лицам, которые не относятся к указанным народам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования, в нем проставляется отметка: «Охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимым для удовлетворения личного потребления» (пункт 11).

Данное регулирование, очерчивающее круг лиц, которые могут осуществлять добычу охотничьих ресурсов, вместе с тем не может рассматриваться как определяющее

в вопросе о том, может ли такое лицо осуществлять эту добычу в пределах установленных – в рамках регулирования охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности – органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения только своих личных нужд либо нужд иных членов общины.

4.1. Федеральным законом от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире», являющимся базовым законодательным актом в области охраны и использования животного мира и среды его обитания, предусмотрено, что лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, и их объединения имеют право на приоритетное пользование животным миром на территориях традиционного расселения в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Вместе с тем запрещена переуступка права на приоритетное пользование животным миром гражданам и юридическим лицам, которые не являются гражданами, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения их предков, включая охоту и собирательство, и их объединениям соответственно (статья 49).

Согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» сфера его действия распространяется на лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность и занимающихся традиционными промыслами, а также на лиц, которые относятся к малочисленным народам, постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов и для которых традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления (часть 1 статьи 3). При этом лица, относящиеся к малочисленным народам, в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов имеют право пользоваться необходимыми малочисленным народам для защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов льготами по землепользованию и природопользованию, установленными федеральным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (пункт 4 части 2 статьи 8).

По смыслу данного регулирования, особые права на использование объектов животного мира предоставляются всем лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а не только тем из них, кто имеет статус охотника, поскольку для всех указанных лиц вне зависимости от их фактической и юридической способности самостоятельно осуществлять добычу охотничьих ресурсов пользование объектами животного мира выступает основой их традиционного жизнеобеспечения в рамках традиционного образа жизни.

Иной подход к толкованию соответствующего правового регулирования не учитывал бы особое предназначение охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности и приводил бы к нарушению гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 1 (часть 1), 7 (часть 1), 9 (часть 1), 19, 34 (часть 1) и 55 (часть 3), прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в том числе вступал бы в противоречие с общеправовыми принципами юридического

равенства и справедливости как ставящий в неравное положение лиц, относящихся к одной и той же категории, относительно реализации возможности ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности как неотъемлемого элемента их особого правового статуса, признаваемого и охраняемого Конституцией Российской Федерации (статья 69).

4.2. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации включает в себя также осуществление традиционной хозяйственной деятельности создаваемыми ими общинами.

В соответствии с Федеральным законом от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации могут быть образованы по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому признакам, организуются на добровольной основе по инициативе лиц, относящихся к малочисленным народам, достигших возраста 18 лет. Членство в общине малочисленных народов может быть коллективным (членство семей (родов) и индивидуальным (членство лиц, относящихся к малочисленным народам). Индивидуальными членами общины малочисленных народов могут быть лица, относящиеся к малочисленным народам, достигшие возраста 16 лет, ведущие традиционный для этих народов образ жизни, осуществляющие традиционную хозяйственную деятельность и занимающиеся традиционными промыслами. Отказ лица от вступления в общину малочисленных народов не может служить основанием для ограничения его права на самостоятельное осуществление традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами. В учредительных документах общины малочисленных народов должны быть определены, в частности, основные виды традиционной хозяйственной деятельности, порядок распределения доходов от реализации излишков продуктов традиционной хозяйственной деятельности и изделий традиционных промыслов, порядок и характер участия членов общины в ее хозяйственной деятельности. Созданная община малочисленных народов подлежит обязательной государственной регистрации, после чего приобретает права юридического лица. Члены общины малочисленных народов в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации вправе использовать для нужд традиционных хозяйственной деятельности и промыслов объекты животного и растительного мира, общераспространенные полезные ископаемые и другие природные ресурсы (статьи 1, 8, 10, 11 и 12).

Высшим органом управления общины малочисленных народов является общее собрание (сход) членов общины, которое созывается по мере необходимости и периодичность проведения которого определяется уставом. В перерывах между общими собраниями (сходами) членов общины органом управления общины является правление (совет) общины, полномочия которого устанавливаются ее уставом. В период между заседаниями правления (совета) общины все организационные, производственные и иные вопросы, за исключением тех вопросов, которые отнесены к ведению общего собрания (схода) членов общины или правления (совета) общины, решает председатель правления (совета) общины. Общее собрание (сход) членов общины и правление (совет) общины вправе утверждать решения председателя правления (совета) общины (статьи 14–16 Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»).

Соответственно, данное правовое регулирование во взаимосвязи с положениями статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предполагает, что члены общины, определив в уставе общины охоту в качестве одного из видов ее традиционной хозяйственной деятельности, вправе через принятие решений органами управления общиной с учетом их компетенции, установленной уставом общины, определять, каким образом общиной будет осуществляться добыча охотничьих ресурсов и

каким образом будет использована продукция охоты, в том числе вправе определять членов общины, которыми будет осуществлена добыча охотничьих ресурсов, и количество охотничьих ресурсов в пределах суммы приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, установленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

5. Таким образом, статья 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», рассматриваемая с учетом вытекающих из Конституции Российской Федерации гарантий прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в системе действующего правового регулирования предполагает, что поскольку лицом, которое имеет право пользования объектами животного мира в пределах установленных лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, является каждый член общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации вне зависимости от наличия у него статуса охотника, то в случае, если охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется такой общиной, члены этой общины вправе поручить одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд.

Изложенное вместе с тем не лишает федерального законодателя права – исходя из требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – совершенствовать правовое регулирование охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречащей Конституции Российской Федерации, так как по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она предполагает, что поскольку лицом, которое имеет право пользования объектами животного мира в пределах установленных лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, является каждый член общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации вне зависимости от наличия у него статуса охотника, то в случае, если охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется такой общиной, члены этой общины вправе поручить одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные по делу гражданина Щукина Геннадия Кирилловича, в той мере, в какой они основаны на статье 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации» в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6 июня
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 22-П

по делу о проверке конституционности положений подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, а также положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» в связи с жалобой гражданина С.А.Глухова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, а также положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.А.Глухова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Налоговый кодекс Российской Федерации предусматривает, что субъекты Российской Федерации в рамках патентной системы налогообложения вправе устанавливать размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в зависимости от количества обособленных объектов (площадей) в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности, в том числе сдачи в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности (абзац четвертый подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³);

объектом налогообложения признается потенциально возможный к получению годовой доход индивидуального предпринимателя по соответствующему виду предпринимательской деятельности, установленный законом субъекта Российской Федерации (статья 346⁴⁷);

налоговая база определяется как денежное выражение потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по виду предпринимательской деятельности, в отношении которого применяется патентная система налогообложения, устанавливаемого на календарный год законом субъекта Российской Федерации (пункт 1 статьи 346⁴⁸).

Законом Мурманской области от 12 ноября 2012 года № 1537-01-ЗМО «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона Мурманской области от 8 октября 2015 года № 1902-01-ЗМО) было предусмотрено установление размеров потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения, согласно приложению к данному Закону (статья 1); положениями таблицы № 5 приложения к данному Закону устанавливался размер потенциально возможного к получению годового дохода в зависимости от количества обособленных объектов (площадей) при сдаче в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности.

Заявитель по настоящему делу гражданин С.А.Глухов, являющийся индивидуальным предпринимателем, в 2013 и 2014 годах осуществляя в городе Мончегорске Мурманской области предпринимательскую деятельность по сдаче в аренду нежилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, на основании патентов от 26 декабря 2012 года и от 19 декабря 2013 года применял патентную систему налогообложения в отношении вида предпринимательской деятельности «Сдача в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности». До перехода на патентную систему налогообложения заявитель обращался с письмом в налоговый орган, в котором просил разъяснить, на основании каких документов определяется обособленность конкретного объекта. В ответе от 14 декабря 2012 года налоговый орган указал, что перечень документов, подтверждающих обособленность объекта недвижимости, не установлен.

Решением налогового органа от 16 декабря 2015 года по итогам выездной налоговой проверки С.А.Глухову была начислена недоимка, в том числе по виду предпринимательской деятельности, связанному со сдачей в аренду нежилых помещений, в размере 2 178 866 рублей, соответствующие пени и штраф. Основанием для принятия такого решения послужил вывод налогового органа о том, что количество заключенных налогоплательщиком договоров аренды не соответствует количеству объектов недвижимости, указанных им в заявлениях на выдачу патентов. Как отметил налоговый орган, указанное в патентах недвижимое имущество фактически сдавалось в аренду по нескольким договорам аренды, а следовательно, возникло большее количество «обособленных объектов».

Полагая свои права нарушенными, заявитель обратился в Арбитражный суд Мурманской области, решением которого от 21 ноября 2016 года, оставленным без изменения постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 апреля 2017 года и постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 июля 2017 года, выводы налогового органа были признаны законными. По мнению арбитражных судов, для определения количества обособленных объектов имеют значение не свидетельства о регистрации права собственности на объект недвижимости, а договоры аренды, заключенные налогоплательщиком с арендаторами. При этом арбитражный суд уменьшил размер начисленного заявителю штрафа в два раза, указав, что налогоплательщик добросовестно заблуждался в части определения количества обособленных объектов для целей применения патентной системы налогообложения.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2017 года заявителю было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению С.А.Глухова, оспариваемые законоположения носят неопределенный характер, поскольку не раскрывают содержания понятия «обособленный объект» для целей применения патентной системы налогообложения. При этом состоявшееся в его деле истолкование данного понятия исходя из количества договоров аренды нежилых помещений приводит к нарушению принципов равенства и экономического основания налога, поскольку налоговая нагрузка зависит в таком случае не от количества объектов недвижимости (помещений) или их площади, а исключительно от способа сдачи имущества в аренду (по одному договору или по нескольким договорам аренды) при сопоставимом финансовом результате. Данная неопределенность регулирования влечет возможность произвольного начисления налогоплательщику недоимки, пени и штрафа. В связи с этим заявитель полагает, что оспариваемые налоговые нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 6 (часть 2), 8, 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 34, 35, 45, 46, 55 (часть 3) и 57.

В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность закона или отдельных его положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальное значение рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Таким образом, оспариваемые нормы подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, а также статья 1 Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» и положения таблицы № 5 приложения к нему (в действующей редакции – статья 1 данного Закона и таблица № 4 приложения № 1 к нему) являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос об определении количества обособленных объектов (площадей) для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода при применении индивидуальных предпринимателями патентной системы налогообложения в случае сдачи в аренду (наем) помещений (площадей) как частей объекта, указанного налогоплательщиком в заявлении на получение патента.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (статья 57). Налогообложение, выступая ограничением права собственности, должно быть основано на конституционном принципе равенства, который в этой сфере понимается прежде всего как равномерность, нейтральность и справедливость.

Налоги устанавливаются законодателем в соответствии с сущностью каждого из них и как элементы единой налоговой системы, параметры и условия функционирования которой применительно к каждому налогоплательщику определяются объективными закономерностями и требованиями, включая экономическую обоснованность и недопустимость произвольного установления налога.

В силу конституционного требования о необходимости уплаты только законно установленных налогов и сборов, во взаимосвязи с предписаниями статей 15 и 18 Конституции Российской Федерации, налоговая обязанность должна, среди прочего, пониматься как обязанность платить налоги в размере не большем, чем это предусмотрено законом, а механизм налогообложения должен обеспечивать полностью и своевременность их взимания с обязанных лиц и одновременно правомерность деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанной с изъятием средств

налогообложения, имея в виду в том числе, что налоговые правоотношения основаны на властном методе правового регулирования, а реализация конституционной обязанности платить законно установленные налоги предполагает субординацию, властное подчинение налогоплательщика требованиям государства.

Вместе с тем законодатель располагает достаточной степенью усмотрения при установлении конкретных налогов: он самостоятельно определяет параметры основных элементов налога, в том числе состав налогоплательщиков и объекты налогообложения, виды налоговых ставок, продолжительность налогового периода, стоимостные и (или) количественные показатели, необходимые для определения налоговой базы, порядок исчисления налога. При этом, устанавливая налоги и определяя как их систему, так и все элементы налогового обязательства, он обязан соблюдать положения Конституции Российской Федерации, относящиеся к признанию и гарантиям прав и свобод человека и гражданина. Исходя из данного требования в Налоговом кодексе Российской Федерации закреплено, что недопустимы налоги и сборы, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав (пункт 3 статьи 3).

Приведенные правовые позиции были изложены Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих силу постановлениях от 20 февраля 2001 года № 3-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 22 июня 2009 года № 10-П, от 3 июня 2014 года № 17-П, от 1 июля 2015 года № 19-П, от 10 июля 2017 года № 19-П и др., в определениях от 1 октября 2009 года № 1268-О-О и № 1269-О-О, от 1 декабря 2009 года № 1484-О-О, от 6 июля 2010 года № 1084-О-О, от 7 декабря 2010 года № 1718-О-О и др.

3. Федеральным законом от 25 июня 2012 года № 94-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» раздел VIII¹ «Специальные налоговые режимы» Налогового кодекса Российской Федерации был дополнен главой 26⁵ «Патентная система налогообложения». Как следует из пояснительной записки к законопроекту, его целью являлось налоговое стимулирование развития малого предпринимательства на основе совершенствования упрощенной системы налогообложения индивидуальных предпринимателей с использованием патента. Планировалось, что принятие закона позволит решить ряд проблем, сдерживающих развитие патентной системы налогообложения, в частности устранить конкуренцию с системой налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, повысить заинтересованность муниципальных образований в стимулировании легализации и развития на их территориях предпринимательской деятельности и в увеличении за счет этого доходов своих бюджетов.

В силу главы 26⁵ Налогового кодекса Российской Федерации патентная система налогообложения устанавливается данным Кодексом, вводится в действие в соответствии с данным Кодексом законами субъектов Российской Федерации и применяется на территориях указанных субъектов Российской Федерации; патентная система налогообложения применяется индивидуальными предпринимателями наряду с иными режимами налогообложения, предусмотренными законодательством Российской Федерации о налогах и сборах; применение патентной системы налогообложения индивидуальными предпринимателями предусматривает их освобождение от обязанности по уплате налога на доходы физических лиц (в части доходов, полученных при осуществлении видов предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения), налога на имущество физических лиц (в части имущества, используемого при осуществлении видов предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения, за исключением объектов налогообложения, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость), а также налога на добавленную стоимость, за исключением отдельных случаев (пункты 1, 10 и 11 статьи 346⁴³).

Документом, удостоверяющим право на применение патентной системы налогообложения, является патент на осуществление одного из видов предпринимательской

деятельности, в отношении которого законом субъекта Российской Федерации введена патентная система налогообложения; объектом налогообложения признается потенциально возможный к получению годовой доход индивидуального предпринимателя по соответствующему виду предпринимательской деятельности, установленный законом субъекта Российской Федерации; налоговая база определяется как денежное выражение потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по виду предпринимательской деятельности, в отношении которого применяется патентная система налогообложения; налоговая ставка устанавливается в размере 6 процентов (статьи 346⁴⁵, 346⁴⁷, 346⁴⁸ и 346⁵⁰ Налогового кодекса Российской Федерации). При этом в качестве ориентира для субъектов Российской Федерации федеральный законодатель предусмотрел, что они вправе устанавливать размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в зависимости от: средней численности наемных работников; количества транспортных средств, грузоподъемности транспортного средства, количества в нем посадочных мест; количества обособленных объектов (площадей); территории действия патентов.

Патентная система налогообложения может применяться индивидуальными предпринимателями в том числе в отношении деятельности в сфере оказания услуг по сдаче в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности. В связи с этим субъекты Российской Федерации вправе в отношении указанного вида деятельности установить размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в зависимости от количества обособленных объектов (площадей) (подпункт 19 пункта 2 и абзац четвертый подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³ Налогового кодекса Российской Федерации).

Тем самым федеральный законодатель определил общий перечень видов деятельности, к которым применима данная система налогообложения, а также объект налогообложения – потенциально возможный к получению годовой доход как некий обобщенный показатель, конкретное наполнение которого должны осуществить субъекты Российской Федерации, притом что механизм исчисления размера потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода может быть различным в разных субъектах Российской Федерации.

Такое предоставление субъектам Российской Федерации возможности осуществлять правовое регулирование по данному вопросу, в том числе с учетом их экономической специфики, не противоречит конституционным принципам налогообложения.

При реализации указанного полномочия органами законодательной власти субъектов Российской Федерации требуется конкретизация значимых характеристик (площадь объекта, месторасположение и др.) обособленных объектов недвижимости, подлежащих учету при исчислении потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода для целей применения патентной системы налогообложения, осуществляемая с учетом вытекающих из статей 19 (части 1 и 2) и 57 Конституции Российской Федерации требований статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации о равенстве налогообложения и о том, что налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными.

Таким образом, взаимосвязанные положения подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, как предоставляющие субъектам Российской Федерации полномочие устанавливать размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в отношении деятельности по сдаче в аренду (наем) помещений, сами по себе не противоречат Конституции Российской Федерации, имея в виду обязательность использования для этой цели таких характеристик объектов (площадей), которые реально влияют на возможный экономический результат сдачи их в аренду (наем), что во всяком случае не предполагает определения количества обособленных объектов исключитель-

но исходя из количества договоров аренды (найма), заключенных налогоплательщиком, вне зависимости от площади сдаваемых в аренду (наем) помещений.

4. По смыслу статьи 57 Конституции Российской Федерации в системной связи с ее статьями 1 (часть 1), 15 (части 2 и 3) и 19 (части 1 и 2), в Российской Федерации как правовом государстве законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы. Поэтому Налоговый кодекс Российской Федерации предписывает, что необходимые элементы налогообложения (налоговых обязательств) должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он обязан платить (пункт 6 статьи 3), а все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах следует толковать в пользу налогоплательщика (пункт 7 статьи 3). Именно соблюдение конституционных предписаний относительно формальной определенности и полноты элементов налогового обязательства при формировании структуры налога и учет объективных характеристик экономико-правового содержания налога обеспечивают эффективность налогообложения и реальность его целей и позволяют налогоплательщикам своевременно уплатить налог, а налоговым органам – осуществлять контроль за действиями налогоплательщиков по уплате налоговых сумм в бюджет (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2013 года № 11-П и от 1 июля 2015 года № 19-П).

В отношении специальных налоговых режимов Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что применение налогоплательщиком, имеющим статус индивидуального предпринимателя, специального режима налогообложения, как правило, связано с уменьшением общего размера налоговых обязательств и созданием более благоприятных условий для ведения налоговой отчетности. Это требует соблюдения требований, установленных законом, которые должны быть известны налогоплательщику, обратившемуся в налоговый орган с заявлением о получении патента (Определение от 21 мая 2015 года № 1036-О).

На территории Мурманской области патентная система налогообложения введена с 1 января 2013 года Законом Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области». Согласно его статье 1 во взаимосвязи с таблицей № 5, являющейся частью приложения к данному Закону (в действующей редакции – статья 1 данного Закона и таблица № 4 приложения № 1 к нему), размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по виду предпринимательской деятельности «Сдача в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности» установлен в зависимости от количества обособленных объектов (площадей): при количестве обособленных объектов (площадей) до 1 включительно размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода составляет 600 000 рублей; при количестве обособленных объектов (площадей) от 2 и более – 600 000 рублей в расчете на каждый обособленный объект (площадь), но не более 10 000 000 рублей (Законом Мурманской области от 8 октября 2015 года № 1902-01-ЗМО условие «при количестве обособленных объектов (площадей) до 1 включительно» изменено на условие «при 1 обособленном объекте (площади)»).

Такая нормативная дифференциация размера потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода от сдачи в аренду помещений не позволяет однозначно установить, что рассматривается в качестве обособленного объекта, и это порождает вопрос о том, что является действительным объективным экономическим показателем конкретного объекта в рамках патентной системы налогообложения в Мурманской области, который позволил бы определить справедливый и обоснованный размер налогового бремени для каждого индивидуального предпринимателя, сдающего помещения в аренду.

Правоприменительные органы в деле заявителя исходили из необходимости определения обособленных объектов на основании заключенных налогоплательщиком до-

говоров аренды. Соответственно, в случае сдачи в аренду здания или ряда помещений в одном здании на основании одного договора аренды это будет считаться одним обособленным объектом для целей налогообложения. Но если тот же индивидуальный предприниматель сдаст в аренду здание или ряд помещений в нем по отдельным договорам аренды, то налоговая нагрузка возрастет многократно при тех же самых характеристиках недвижимого имущества. В таком случае определение количества обособленных объектов исходя из количества заключенных договоров аренды – притом что площадь помещения, сдаваемого в аренду по этим договорам, может существенно различаться – приводит к тому, что размер налогового бремени может увеличиваться непропорционально полученному налогоплательщиком от данного вида деятельности доходу.

Таким образом, отсутствие в оспариваемых нормах Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» критериев определения объектов (площадей) как обособленных для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода не только свидетельствует о пробеле в правовом регулировании, но и приводит, с учетом правоприменительной практики восполнения этого пробела, к нарушению принципов равенства налогообложения и экономического основания налога.

5. Следовательно, оспариваемые статья 1 Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» и положения таблицы № 5 приложения к нему (в действующей редакции – статья 1 данного Закона и таблица № 4 приложения № 1 к нему) не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 57, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не обеспечивают определенности в отношении объекта налогообложения и налоговой базы применительно к патентной системе налогообложения и, как следствие, – не обеспечивают экономической обоснованности взимания налога при применении индивидуальными предпринимателями данной системы налогообложения в случае сдачи в аренду (наем) помещений (площадей) как частей объекта, указанного налогоплательщиком в заявлении на получение патента.

Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагает возможным установить, что:

законодательству Мурманской области надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в Закон Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» необходимые изменения, обеспечив вступление их в законную силу с 1 января 2020 года по правилам статьи 5 «Действие актов законодательства о налогах и сборах во времени» Налогового кодекса Российской Федерации;

впредь до внесения таких изменений при определении количества обособленных объектов (площадей) для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода и применения индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения в связи со сдачей в аренду (наем) помещений, принадлежащих им на праве собственности, на территории Мурманской области надлежит использовать количество объектов недвижимого имущества, указанное налогоплательщиком в заявлении на выдачу патента.

В силу статьи 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» признание не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативного акта субъекта Российской Федерации или отдельных его положений является основанием для отмены или изменения в установленном порядке органами государственной власти других субъектов Российской Федерации положений принятых ими нормативных актов, содержащих такие же нормы, какие были признаны неконституционными (часть третья); эти положения не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами (часть четвертая). Соответствен-

но, нормы законов других субъектов Российской Федерации, аналогичные признанным неконституционными в настоящем Постановлении положениям Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» и повлекшие формирование аналогичной правоприменительной практики, также должны быть изменены (со вступлением в силу с 1 января 2020 года), а до изменения применяться так, как указано в настоящем Постановлении относительно положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области».

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения подпункта 3 пункта 8 статьи 346⁴³, статьи 346⁴⁷ и пункта 1 статьи 346⁴⁸ Налогового кодекса Российской Федерации, предоставляющие субъектам Российской Федерации полномочие устанавливать размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в отношении деятельности по сдаче в аренду (наем) помещений, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают необходимость использования для этой цели таких характеристик обособленных объектов (площадей), которые реально влияют на возможный экономический результат от сдачи их в аренду (наем) и не подразумевают определения количества обособленных объектов (площадей) исключительно исходя из количества договоров аренды (найма), заключенных налогоплательщиком, без учета площади сдаваемых в аренду (наем) помещений.

Конституционно-правовой смысл указанных положений Налогового кодекса Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. Признать статью 1 Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» и положения таблицы № 5 приложения к нему (в действующей редакции – статья 1 данного Закона и таблица № 4 приложения № 1 к нему) не соответствующими статьям 19 (части 1 и 2) и 57 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не обеспечивают определенности в отношении объекта налогообложения и налоговой базы применительно к патентной системе налогообложения и, как следствие, – не обеспечивают экономической обоснованности взимания налога при применении индивидуальными предпринимателями данной системы налогообложения в случае сдачи в аренду (наем) помещений (площадей) как частей объекта, указанного налогоплательщиком в заявлении на получение патента.

3. Законодателю Мурманской области надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в Закон Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области» необходимые изменения, обеспечив вступление их в законную силу с 1 января 2020 года.

Впредь до внесения таких изменений при определении количества обособленных объектов (площадей) для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода при применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения в связи со сдачей в аренду (наем) помещений, принадлежащих им на праве собственности, на территории Мурманской области надлежит использовать количество объектов недвижимого имущества, указанное налогоплательщиком в заявлении на выдачу патента.

4. Правоприменительные решения по делу гражданина Глухова Сергея Александровича, принятые на основании положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области», признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру исходя из того, что для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода при применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения в связи со сдачей в аренду (наем) помещений, принадлежащих им на праве собственности, на территории Мурманской области надлежит использовать количество объектов недвижимого имущества, указанное налогоплательщиком в заявлении на выдачу патента.

5. Законодателям субъектов Российской Федерации надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в законодательные акты, регулирующие вопросы патентной системы налогообложения, необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, обеспечив вступление их в законную силу с 1 января 2020 года.

6. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации», на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в официальных изданиях органов государственной власти Мурманской области. Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

13 июня
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 23-П

по делу о проверке конституционности
части третьей статьи 6¹ Уголовно-
процессуального кодекса Российской
Федерации в связи с жалобой
гражданина Б.А.Сотникова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части третьей статьи 6¹ УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Б.А.Сотникова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части третьей статьи 6¹ УПК Российской Федерации при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Конституционность данного законоположения оспаривает гражданин Б.А.Сотников, которому решением Верховного Суда Республики Коми от 14 августа 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам того же суда от 29 октября 2018 года, отказано в удовлетворении административных исковых требований о присуждении компенсации за нарушение его права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Признавая срок судопроизводства разумным, суды исходили из того, что период с момента обращения Б.А.Сотникова с заявлением о преступлении (5 июня 2009 года) и до возбуждения уголовного дела об этом преступлении (26 ноября 2015 года) не подлежит включению в срок судопроизводства по данному делу (несмотря на решения об отказе в возбуждении уголовного дела, неоднократно принимавшиеся в этот период), поскольку результатом уголовного преследования по данному делу стал обвинительный приговор, а потому продолжи-

тельность судопроизводства следует исчислять со дня признания Б.А.Сотникова потерпевшим (тот же день, когда возбуждено данное дело) и по день вступления в законную силу приговора, т.е. не 8 лет 9 месяцев и 9 дней, как указывал административный истец, а 2 года 3 месяца и 16 дней, из которых предварительное следствие – 9 месяцев и 6 дней.

По мнению Б.А.Сотникова, оспариваемая норма – с учетом ее истолкования в судебной практике – не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 18, 19, 45, 46, 52 и 53, поскольку позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства не включать в него период со дня подачи лицом заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении и признания такого лица в надлежащем порядке потерпевшим по данному делу, которое в дальнейшем завершилось обвинительным приговором.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» часть третья статьи 6¹ УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой она служит основанием для решения вопроса об определении продолжительности разумного срока уголовного судопроизводства в части установления момента начала его исчисления для лица, признанного потерпевшим по уголовному делу в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, честь и доброе имя каждого и в этих целях гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжаловать в суд решения и действия (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 46, части 1 и 2).

Предписания статей 2, 18, 19, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации потерпевшим от преступлений нанесенного им ущерба предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и гарантировать пострадавшему возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами. Такой подход соотносится с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН), закрепляющими право лиц, которым причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы, на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством и обязывающими государство содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункты 1, 4 и 6).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно-процессуальные механизмы, устанавливаемые федеральным законодателем, должны – как того требуют Конституция Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), – в максимальной

степени способствовать защите от преступлений, предупреждению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам таких посягательств доступ к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона. Государство не может быть освобождено от возложенной на него Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45, 46 и 52, обязанности обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 2 марта 2017 года № 4-П и др.).

По смыслу же статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 18, 19 и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в России, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, а правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает действенное восстановление в правах. Одним из важных факторов, обуславливающих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты. Это означает, что рассмотрение и разрешение дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 11 ноября 2014 года № 28-П и др.).

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, распространяющихся и на нормативное регулирование, в рамках которого определяются условия осуществления права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и устанавливаются соответствующие полномочия судебных инстанций, такое регулирование должно отвечать конституционным требованиям эффективности судебной защиты, справедливости, равенства и прежде всего – принципам правового государства, ответственного перед гражданином за качество и сроки судопроизводства с учетом момента возникновения субъективного права на судебную защиту.

3. В целях реализации вытекающей из Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 6 и 13) обязанности России по обеспечению права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок, являющегося неотъемлемой составляющей права на судебную защиту, и исходя из необходимости создать надлежащие условия для осуществления права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, а также прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации) Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предоставил лицам, перечисленным в части 1 его статьи 1, право обратиться в суд в порядке, установленном данным Федеральным законом и процессуальным законодательством, с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение в разумный срок судебного акта.

В свою очередь, статья 6¹ УПК Российской Федерации закрепляет разумный срок уголовного судопроизводства в качестве одного из принципов уголовного процесса: уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные данным Кодексом, продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые им предусмотрены, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок (часть вторая); при определе-

нии разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента его прекращения или вынесения обвинительного приговора, учитываются правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников процесса, достаточность и эффективность производимых для своевременного уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя, а равно общая продолжительность уголовного судопроизводства (часть третья).

При этом статьей 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предусмотрена возможность подачи потерпевшим или иным заинтересованным лицом, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок и до окончания производства по уголовному делу – в случае принятия уполномоченными лицами постановления о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (часть 7¹), либо постановления о прекращении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (часть 7³). Соответственно, статьей 6¹ УПК Российской Федерации закреплен порядок определения разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 данного Кодекса, т.е. если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (часть третья¹), а также период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, т.е. ввиду истечения сроков давности уголовного преследования (часть третья³).

Тем самым в приведенных положениях статьи 6¹ УПК Российской Федерации законодатель вполне определенно указал моменты, с которых исчисляется разумный срок уголовного судопроизводства: момент начала осуществления уголовного преследования (часть третья) или день подачи заявления, сообщения о преступлении (части третья¹ и третья³).

4. Действующее законодательство не раскрывает понятия «момент начала осуществления уголовного преследования». Вместе с тем, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации для целей Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в части первой статьи 46 или части первой статьи 47 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью первой¹ статьи 144 данного Кодекса, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым (пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»).

Таким образом, предусмотренное частью третьей статьи 6¹ УПК Российской Федерации регулирование порядка исчисления разумного срока уголовного судопроизвод-

ства с момента начала осуществления уголовного преследования направлено прежде всего на обеспечение права на судопроизводство в разумный срок для лиц, привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых начато производство одного из связанных с проверкой сообщения о преступлении процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью первой¹ статьи 144 данного Кодекса, либо следственных действий, направленных на их изобличение в содеянном.

5. Права потерпевших от преступлений, которым гарантируется государственная, в том числе судебная, защита (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации), реализуются, в частности, посредством использования уголовно-процессуальных механизмов, предполагающих обязанность органов предварительного расследования при выявлении признаков преступления возбуждать уголовные дела, осуществлять от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения, обеспечивая неотвратимость ответственности виновных. Невыполнение или ненадлежащее выполнение данной обязанности, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в неоднократном и необоснованном прерывании проверки по заявлению о преступлении, ведет к нарушению разумного срока разрешения дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 425-О и др.).

Однако, как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении Конституционного Суда Российской Федерации материалы правоприменительной практики, включая судебную, использование соответствующих правовых возможностей заинтересованными лицами, пострадавшими от запрещенных уголовным законом деяний, для целей компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок зачастую затруднено и неэффективно.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации называет потерпевшим физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации и предусматривает, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда, а если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице (часть первая статьи 42).

Поскольку преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, каковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК Российской Федерации), а сами вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу (или с момента, когда лицу стало об этом известно), такое лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим. Тем самым правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и др.).

Следовательно, лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно законодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства, имея в виду, что такая

возможность зависит как от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности мер, принятых для объективного рассмотрения соответствующих требований, так и от продолжительности досудебного производства, включая период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица, подавшего заявление, потерпевшим. Между тем часть третья статьи 6¹ УПК Российской Федерации – в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – исключает из оценки разумности срока уголовного судопроизводства в случаях, когда производство по уголовному делу завершилось обвинительным приговором, продолжительность стадии возбуждения данного дела (проверки заявления о преступлении), что не согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и приводит к нарушению конституционных прав лица, которому преступлением причинен вред.

Таким образом, часть третья статьи 6¹ УПК Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальном законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть третья статьи 6¹ УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52, в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальном законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора.

2. Федеральному законодателю надлежит – в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, – внести в правовое регулирование судебной защиты права граждан на судопроизводство в разумный срок изменения, направленные на уточнение порядка определения для потерпевших от преступлений момента начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальном законом порядке потерпевшим), если производство по уголовному делу завершилось обвинительным приговором, следует руководствоваться положениями части третьей³ статьи 6¹ УПК Российской Федерации.

3. Судебные решения, принятые в отношении гражданина Сотникова Бориса Александровича на основании части третьей статьи 6¹ УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

18 июня
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 24-П

по делу о проверке конституционности
положений пункта 5 части 4 статьи
5 и пункта 6 части 3 статьи 7
Федерального закона «О собраниях,
митингах, демонстрациях, шествиях и
пикетированиях» в связи с жалобой
гражданина В.А.Тетерина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

с участием гражданина В.А.Тетерина и его представителя – адвоката С.А.Голубка, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации М.П.Беспаловой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.А.Тетерина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д.Князева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Г.В.Марьяна, от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – И.Г.Шаблинского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту 5 части 4 статьи 5 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» организатор публичного мероприятия обязан обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия, а в случаях, предусмотренных данным Федеральным законом, выполнять эту обязанность совместно с уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и

уполномоченным представителем органа внутренних дел, выполняя при этом все их законные требования.

Пункт 6 части 3 статьи 7 данного Федерального закона устанавливает, что в уведомлении о проведении публичного мероприятия указываются формы и методы обеспечения организатором публичного мероприятия общественного порядка, организации медицинской помощи, намерение использовать звукоусиливающие технические средства при проведении публичного мероприятия.

Заявитель по настоящему делу гражданин В.А.Тетерин 24 августа 2018 года подал в администрацию города Иркутска уведомление о проведении 9 сентября 2018 года публичного мероприятия в форме митинга с предполагаемым участием 350 человек. 27 августа того же года им был получен ответ администрации города Иркутска, из которого следовало, что поданное уведомление не соответствует Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», поскольку указание в нем на предоставление информации о телефонных номерах вызова полиции и скорой помощи (мобильная связь) в качестве форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи не отвечает в полной мере требованиям поддержания безопасности и правопорядка при проведении публичного мероприятия. В связи с этим, по мнению городской администрации, исключается возможность рассмотрения уведомления в установленном порядке, что, в свою очередь, влечет за собой невозможность согласования заявленного публичного мероприятия.

Полагая нарушенным гарантированное ему конституционное право на свободу мирных собраний, В.А.Тетерин обратился в Кировский районный суд города Иркутска с административным иском о признании незаконным указанного ответа и о возложении на администрацию города Иркутска обязанности не препятствовать проведению публичного мероприятия. Решением названного суда от 4 сентября 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Иркутского областного суда от 6 ноября 2018 года, В.А.Тетерину было отказано в удовлетворении исковых требований.

Основанием для принятия указанных судебных актов послужило то обстоятельство, что проведение митинга в запланированном В.А.Тетериным месте объективно затрагивало бы интересы значительного числа физических и юридических лиц, чем создавало бы потенциальную угрозу нарушения общественного порядка и личной безопасности граждан. Это налагало на заявителя обязанность указания в уведомлении таких форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, которые были бы достаточными для исполнения требования пункта 5 части 4 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», согласно которому организатор публичного мероприятия должен обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия. Исходя из данных соображений, суды отметили, что указание заявителем в уведомлении информации о телефонных номерах вызова полиции и скорой помощи не может быть признано надлежащими формами и методами его участия в охране общественного порядка и безопасности граждан, так как не содержит перечня конкретных мер, направленных на их обеспечение.

Одновременно суды сочли несостоятельными доводы административного истца о том, что администрация города Иркутска, полагая недостаточными избранные им формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, должна была предложить ему конкретные варианты дополнения (уточнения) таких мер, поскольку по смыслу пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» их определение является правомочием организатора, реализуемым им самостоятельно без какого-либо участия органов публичной власти.

21 сентября 2018 года В.А.Тетерин подал в администрацию города Иркутска уведомление о проведении 7 октября 2018 года публичного мероприятия в форме демон-

страции с предполагаемым участием в ней 100 человек. 24 сентября того же года им был получен ответ, которым данное уведомление со ссылкой на положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» было возвращено ему без рассмотрения по мотивам, аналогичным тем, что были использованы при возврате ранее поданного уведомления о проведении митинга. По результатам рассмотрения административного иска В.А.Тетерина суды не нашли оснований для признания ответа администрации города Иркутска незаконным и возложения на нее обязанности не препятствовать проведению публичного мероприятия (решение Кировского районного суда города Иркутска от 4 октября 2018 года и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Иркутского областного суда от 9 октября 2018 года).

По мнению заявителя, взаимосвязанные положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», возлагая на организатора публичного мероприятия обязанность указать в уведомлении о его проведении формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, не отвечают критериям определенности правового регулирования, чем позволяют уполномоченным органам государственной (муниципальной) власти произвольно устанавливать, соответствует ли уведомление о проведении публичного мероприятия предъявляемым законом требованиям, и тем самым неправомерно ограничивают свободу мирных собраний, что противоречит статьям 1 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 29 (части 1 и 4), 31 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос об исполнении организатором публичного мероприятия – в пределах своей компетенции по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан при проведении публичного мероприятия – обязанности указать в уведомлении о проведении публичного мероприятия формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при проведении публичного мероприятия.

2. Предусмотренное статьей 31 Конституции Российской Федерации право граждан России собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование является – как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 17 марта 2017 года № 8-П и др.) – одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в России как демократическом правовом государстве, в числе основ конституционного строя которого признаются идеологическое и политическое многообразие и многопартийность и на котором лежит обязанность обеспечивать защиту, включая судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 1, часть 1; статья 2; статья 13, части 1 и 3; статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 64 Конституции Российской Федерации).

Во взаимосвязи с иными правами и свободами, перечисленными в Конституции Российской Федерации, прежде всего в ее статьях 21, 28, 29, 30, 32 и 33, данное право обеспечивает гражданам реальную возможность через проведение публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством. Это не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может

выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом.

Соответственно, предполагается, что реагирование со стороны публичной власти на организацию и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным и во всяком случае – независимо от политических, культурных и иных взглядов их инициаторов и участников – нацеленным на обеспечение условий (как на уровне законодательного регулирования, так и в правоприменительной деятельности) для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе путем выработки четких правил их организации и проведения, не выходящих за рамки допустимых ограничений прав и свобод граждан в демократическом правовом государстве.

Природой гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права, заложенными в нем политическими и публично-правовыми началами обусловливается вытекающая из ее статей 2, 18 и 71 (пункт «в») обязанность государства осуществлять регулирующее воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением мирных собраний, с тем чтобы на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов обеспечить гражданам и их объединениям реальную возможность путем организации и проведения публичных мероприятий заявлять и отстаивать свою позицию и выдвигать гражданские инициативы по значимым, с их точки зрения, общественно-политическим вопросам, чем оказывать влияние на деятельность органов государственной и муниципальной власти как непосредственно, так и через формирование общественного мнения в целях привлечения внимания к соответствующим проблемам и обсуждения различных способов своевременного и результативного реагирования на них со стороны публично-властных институтов.

Принимая во внимание провозглашенную в преамбуле Конституции Российской Федерации цель утверждения гражданского мира и согласия и учитывая, что исходя из самой своей сути публичные мероприятия (собrania, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование) могут затрагивать права и законные интересы широкого круга лиц – как участников таких мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, – государственная защита гарантируется лишь праву на проведение мирных публичных мероприятий. Это право тем не менее может быть ограничено федеральным законом, но только в соответствии с критериями, вытекающими из закрепленных в статьях 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов недопустимости злоупотребления правами и свободами человека и гражданина, юридического равенства, обоснованности (необходимости) и соразмерности (пропорциональности). При этом вводимые федеральным законодателем ограничения свободы мирных собраний во всяком случае не должны посягать на само существо данного конституционного права и препятствовать открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных акций.

Такой подход согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека (пункт 1 статьи 20), Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 21) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 11), определяющей, в частности, право на свободу мирных собраний как не подлежащее никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Европейский Суд по правам человека в своей практике применения статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод последовательно руководствуется тем, что в демократическом обществе свобода собраний является фундаментальным правом и наряду со свободой мысли, совести и религии составляет основу такого об-

щества, не подлежащую ограничительному толкованию (постановления от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис (*Kokkinakis*) против Греции», от 20 февраля 2003 года по делу «Джавит Ан (*Djavit An*) против Турции», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России», от 5 марта 2009 года по делу «Баррако (*Barraco*) против Франции» и др.). Это право касается как закрытых, так и публичных собраний, а равно собраний в определенном месте и публичных шествий и может осуществляться отдельными их участниками и организаторами, а также иными лицами, оказавшимися в месте их проведения (постановления от 31 марта 2005 года по делу «Адали (*Adali*) против Турции», от 15 ноября 2007 года по делу «Галстян (*Galstyan*) против Армении» и др.). Устанавливаемые национальным законом исключения из права на свободу собраний должны восприниматься узко, а их перечень должен быть исчерпывающим (постановления от 10 июля 1998 года по делу «Сидиропулос (*Sidiropoulos*) и другие против Греции», от 14 июня 2007 года по делу «Свято-Михайловский приход (*Svyato-Mukhaylivska Parafiya*) против Украины» и др.).

Европейский Суд по правам человека отмечает, что государство должно воздерживаться от применения произвольных мер, могущих нарушить право на мирные публичные акции, и не обладает полной свободой действий даже в случае нарушения их участниками установленных правил проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования (постановления от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России», от 12 февраля 2019 года по делу «Мучник и Мордовин против России» и др.). Правила, регулирующие порядок публичных собраний, включая требование предварительного уведомления, имеют существенное значение для спокойного проведения публичных мероприятий, позволяя властям минимизировать помехи уличному движению и принять иные меры безопасности, но их исполнение не может быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации защищаемой названной Конвенцией свободы мирных собраний (постановления от 17 июля 2007 года по делу «Букта (*Bukta*) и другие против Венгрии», от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» и др.). Публичные власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа (постановления от 17 мая 2011 года по делу «Акгел и Гел (*Akgol and Gol*) против Турции», от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» и др.). Любые меры, препятствующие свободе собраний и свободе выражения мнений, кроме случаев подстрекательства к насилию или нарушения демократических принципов, оказывают демократии плохую услугу и даже угрожают ей (постановления от 24 июля 2012 года по делу «Фабер (*Faber*) против Венгрии», от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» и др.).

Вмешательство публичных властей в свободу мирных собраний, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько законных целей, перечисленных в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения одной из этих целей, расценивается Европейским Судом по правам человека как нарушение данной статьи (постановления от 14 февраля 2006 года по делу «Христианско-демократическая народная партия (*Christian Democratic People's Party*) против Молдовы», от 27 января 2009 года по делу «Самют Карабулут (*Samut Karabulut*) против Турции», от 12 февраля 2019 года по делу «Рыклин и Шаров против России» и др.). Уважение свободы собраний не может быть сведено к обязанности невмешательства со стороны государства в ее осуществление, – оно должно быть дополнено позитивным обязательством органов власти, имеющих широкие пределы усмотрения при выборе подлежащих использованию средств, обеспечивать эффективную реализацию этого права, с тем чтобы гарантировать нормальное проведение любого публичного мероприятия политического, культурного или иного характера, которое приобретает особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных взглядов или принадлежащих к меньшинствам (поста-

новления от 2 июля 2002 года по делу «Уилсон и Национальный союз журналистов (*Wilson and the National Union of Journalists*) и другие против Соединенного Королевства», от 20 октября 2005 года по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» (*Ouranio Toxo*) и другие против Греции», от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России», от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» и др.).

Для ограничения политических выступлений или выступлений по иным важным вопросам общественной жизни необходимы веские причины, при отсутствии которых такие ограничения могут негативно сказаться на общем уважении свободы самовыражения и иметь «охлаждающий» (сдерживающий) эффект в отношении права на свободу собраний (постановления от 12 июля 2001 года по делу «Фельдек (*Feldek*) против Словакии», от 14 декабря 2006 года по делу «Карман против России», от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» и др.).

Следовательно, законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному контролю за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования. В то же время, с учетом того что реализация данного права связана с серьезными рисками, вызываемыми нахождением большого количества людей в одном месте и возможностью возникновения конфликтных ситуаций независимо от намерений организаторов публичных мероприятий и их участников, как сами граждане в силу конституционного запрета осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), так и государство во исполнение своей конституционной обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституции Российской Федерации) должны использовать все законные средства для предотвращения и пресечения любых проявлений, не отвечающих самой сути права на мирные собрания.

Таким образом, осуществляя правовое регулирование гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, законодательная власть должна обеспечивать необходимые условия для его полноценной реализации, учитывающие объективную заинтересованность инициаторов публичных мероприятий в сохранении мирного характера организуемых ими политических, культурных и иных акций. Вместе с тем федеральный законодатель обязан проявлять необходимую заботу о надлежащем обеспечении органами публичной власти общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и имущества граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц – с другой, отвечающую целям эффективной государственной защиты прав и свобод всех лиц (как участвующих, так и не участвующих в публичном мероприятии), в том числе путем введения адекватных мер предупреждения нарушений общественного порядка и безопасности граждан.

3. Положения Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», предусматривающие обязанность подачи организатором публичного мероприятия уведомления о его проведении, ранее уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в постановлениях от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 13 мая 2014 года № 14-П указал, что процедура предварительного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте (маршруте движения), времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников, способах обеспечения общественного порядка и

организации медицинской помощи, а также об организаторах и лицах, уполномоченных выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия. Иначе органы публичной власти, не имея достоверного представления о планируемом публичном мероприятии, его характере и масштабах, лишались бы реальной возможности исполнить возложенную на них статьей 2 Конституции Российской Федерации обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и принять необходимые меры, в том числе профилактические и организационные, направленные на обеспечение безопасных как для самих участников публичного мероприятия, так и для иных лиц условий проведения публичного мероприятия.

Данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющая свою силу, означает, что в демократическом правовом государстве именно органы публичной власти – во исполнение требований статьи 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и правосудия определяются правами и свободами человека и гражданина, – обязаны нести основное бремя ответственности за содействие гражданам в правомерной реализации конституционно гарантированной свободы мирных собраний, в том числе в отношении обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи. В этом контексте и должно восприниматься нормативное содержание пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», возлагающих на организатора публичного мероприятия обязанность обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия и указывать в уведомлении о его проведении формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи.

3.1. Согласно частям 1, 3 и 4 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» указание организатором публичного мероприятия в уведомлении, подаваемом в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, форм и методов обеспечения организатором публичного мероприятия общественного порядка и организации медицинской помощи при его проведении является одной из его обязанностей и совместно с другими правами и обязанностями данного лица, взявшего на себя функции организации и проведения публичного мероприятия, образует пределы его компетенции в вопросах подготовки соответствующего мероприятия. Определение таких форм и методов, заверенное, как того требует часть 4 статьи 7 названного Федерального закона, подписью организатора публичного мероприятия (лицами, уполномоченными организатором выполнять распорядительные функции по его подготовке и проведению, в случае назначения таковых), и их доведение до сведения осуществляющих согласование публичного мероприятия органов государственной (муниципальной) власти призваны подтвердить готовность организатора предпринять – с учетом конкретных параметров планируемого публичного мероприятия (вида, места проведения, продолжительности, предполагаемого количества участников и т.п.) и корреспондирующих им обязанностей органов государственной (муниципальной) власти по обеспечению и защите гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права – доступные меры к поддержанию общественного порядка и безопасности граждан при проведении публичного мероприятия.

Наделение пунктом 5 части 4 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» организатора публичного мероприятия компетенцией в сфере соответствующих отношений, в том числе возложение на него обязанности указать в уведомлении о проведении публичного мероприятия формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при его проведении, детерминировано особым публично-правовым статусом данного лица как инициатора проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пике-

тирования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П), обусловливающим конституционную оправданность вменения ему – при соблюдении разумного баланса частных и публичных интересов – определенной степени ответственности за мирное осуществление права на свободу собраний, предполагающей посильное конструктивное участие в поддержании общественного порядка и безопасности граждан в пределах имеющихся у него возможностей.

При решении же вопроса о том, были ли организатором публичного мероприятия в уведомлении о его проведении предусмотрены формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи и являются ли они достаточными, нужно иметь в виду, что согласно Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» поддержание общественного порядка, регулирование дорожного движения, санитарное и медицинское обслуживание в целях обеспечения проведения публичного мероприятия могут осуществляться только на безвозмездной основе, а основную ответственность за охрану общественного порядка и безопасности граждан, оказание им при необходимости неотложной медицинской помощи должны принимать на себя органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органы местного самоуправления, уполномоченные представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления, уполномоченные представители органов внутренних дел (пункты 3, 5 и 7 части 1 статьи 12, пункты 2 и 3 части 2 статьи 13, части 2 и 3 статьи 14, часть 3 статьи 18).

Соответствующие обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления находят подтверждение также в Федеральном законе от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (статья 26³), Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (статьи 15 и 16), Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (статьи 1, 2, 12 и 13) и Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (статьи 4, 9, 14, 16 и 17), что полностью согласуется со статьями 2, 18, 71 (пункт «в»), 72 (пункты «б», «ж» части 1) и 132 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, при рассмотрении органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления уведомления о проведении публичного мероприятия должны быть исключены любые попытки возложения на организатора заявленного публичного мероприятия таких обязанностей по обеспечению общественного порядка и организации медицинской помощи при его проведении, которые надлежит выполнять органам государственной и муниципальной власти и их уполномоченным представителям в силу их конституционно-правового статуса носителей публично-властных полномочий.

Схожий подход к соотношению ответственности организатора публичного мероприятия и уполномоченных субъектов государственной (муниципальной) власти за сохранение его мирного характера и обеспечение общественного порядка и безопасности граждан присущ и Европейскому Суду по правам человека, полагающему, что сферу позитивной ответственности органов публичной власти образуют, в частности, предварительное планирование мероприятий, необходимых для нейтрализации возможной утраты публичным мероприятием мирного характера; назначение органами внутренних дел должностного лица, ответственного за связь с организатором публичного мероприятия, отсутствие которой может привести к неадекватности мер общественной безопасности, предпринимаемых полицией; организация дежурств бригад скорой помощи на месте проведения публичного мероприятия (постановления от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России», от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», от 8 января 2019 года по делу «Зиновьева против России» и др.).

Таким образом, определение организатором публичного мероприятия форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при его проведении, свидетельствующее о принятии им на себя соответствующих обязательств и отражающее его представление о целесообразности этих форм и методов, – тем более когда они основаны на сложившихся обыкновениях (предоставление участникам и иным заинтересованным лицам информации о телефонах вызова полиции и скорой помощи; назначение представителей, уполномоченных организатором выполнять распорядительные функции по обеспечению общественного порядка и организации медицинской помощи; немедленное информирование должностных лиц органов внутренних дел обо всех фактах нарушения общественного порядка при проведении публичного мероприятия; вызов в случае необходимости скорой помощи и т.п.) – не может квалифицироваться как отсутствие в уведомлении о проведении публичного мероприятия сведений, предусмотренных пунктом 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», и служить основанием для его возвращения организатору без рассмотрения.

3.2. Закрепляя обязанности органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органа местного самоуправления), возникающие у него после получения уведомления о проведении публичного мероприятия, Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предусматривает, помимо прочего, что в случае необходимости орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации (орган местного самоуправления) должен довести до сведения организатора публичного мероприятия в течение трех дней со дня получения такого уведомления (а при его подаче менее чем за пять дней до дня проведения публичного мероприятия – в день его получения) обоснованное предложение об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, а также предложения об устранении организатором публичного мероприятия несоответствия указанных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям данного Федерального закона (пункт 2 части 1 статьи 12).

При этом отказ в согласовании проведения публичного мероприятия допускается лишь в случаях, если уведомление о его проведении подано лицом, которое не вправе быть организатором публичного мероприятия, либо если в уведомлении в качестве места проведения публичного мероприятия указано место, в котором в соответствии с данным Федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации проведение публичного мероприятия запрещается (часть 3 статьи 12 данного Федерального закона). Организатор же публичного мероприятия не вправе проводить его, если уведомление о его проведении не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия (часть 5 статьи 5 данного Федерального закона).

Из содержания приведенных законоположений в их совокупности с очевидностью следует, что указание в уведомлении о проведении публичного мероприятия форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при его проведении, не отвечающих, по мнению уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органа местного самоуправления), требованиям названного Федерального закона, ни при каких обстоятельствах не может освобождать соответствующий орган от рассмотрения поданного уведомления, по результатам которого он обязан направить организатору публичного мероприятия мотивированные (обоснованные) предложения об изменении (дополнении, уточнении) таких форм и методов и в случае принятия организатором этих предложений – не препятствовать проведению заявленного публичного мероприятия.

В Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, убедившись в отсутствии оснований для отказа в проведении публичного мероприятия, уполномоченные органы государственной и му-

ниципальной власти должны принять все зависящие от них меры к тому, чтобы оно состоялось в избранном организатором месте и в запланированное время, и не должны пытаться под любым предлогом изыскать причины, которые могли бы оправдать невозможность его проведения. Иная интерпретация правового режима рассмотрения и согласования уведомления о проведении публичного мероприятия – в том числе в вопросах форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи – не только расходилась бы с названной правовой позицией, но и вступала бы в противоречие со статьями 15 (часть 2), 18, 19 (части 1 и 2), 31 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающими произвольного (незаконного, необоснованного и несоразмерного) ограничения конституционно гарантированной свободы мирных собраний.

3.3. При недостижении согласия между организатором публичного мероприятия и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления относительно форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, которые должны быть указаны в уведомлении о проведении публичного мероприятия, организатор не лишен возможности воспользоваться правом на судебную защиту. Такая возможность прямо предусмотрена статьей 19 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», согласно которой решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, нарушающие право граждан на проведение публичного мероприятия, могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а также вытекает из главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующей производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Раскрывая значение права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации с опорой на статьи 18, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 118 (часть 1), 120 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации неизменно обращал внимание на то, что данное право предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости. Суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту оказывалось бы ущемленным. Именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, по своей природе в наибольшей мере предназначена для решения правовых споров, в том числе в случаях, касающихся уяснения нормативного содержания оценочных понятий, устанавливаемых законодателем в рамках дискреционных полномочий (постановления от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П, от 27 октября 2015 года № 28-П, от 8 декабря 2017 года № 39-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П и др.).

Применительно к разрешению правовых споров, связанных с формами и методами обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при проведении публичного мероприятия, указанными организатором в уведомлении о его проведении, это предполагает, что суды должны, не ограничиваясь юридической констатацией обязанностей организатора публичного мероприятия и коррелирующих им полномочий органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, по существу исследовать обоснованность замечаний (претензий), высказанных организатору публичного мероприятия уполномочен-

ным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, а также обоснованность (необходимость и адекватность) предложений об изменении (дополнении, уточнении) соответствующих форм и методов, адресованных им организатору публичного мероприятия. К тому же, принимая во внимание временные условия организации и проведения публичного мероприятия, установленные федеральным законодателем, судебное рассмотрение соответствующих споров должно осуществляться в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия, так как без этого судебная защита во многом теряла бы смысл (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 года № 484-О-П).

Из этого исходит и Верховный Суд Российской Федерации, в целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства о публичных мероприятиях разъяснивший судам общей юрисдикции в соответствии со статьей 126 Конституции Российской Федерации, что вмешательство органа публичной власти в право проведения мирных публичных мероприятий должно основываться на законе, быть необходимым и соразмерным преследуемой этим органом правомерной цели. В каждом конкретном случае суду надлежит исследовать все выдвигаемые органом публичной власти доводы и представленные им доказательства, а также оценивать их на предмет наличия относимых и достаточных оснований для осуществленного вмешательства (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях»).

Таким образом, взаимосвязанные положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не препятствуют организатору публичного мероприятия в случае уклонения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления от рассмотрения поданного уведомления о проведении публичного мероприятия или в случае недостижения согласия с этими органами относительно указанных в уведомлении форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи обратиться за защитой своего права на свободу мирных собраний в суд, который обязан в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия объективно и всесторонне оценить обоснованность оспариваемых действий и решений органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления.

Иначе судебная защита конституционного права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование окажется не в состоянии – вопреки предписаниям статей 18, 31, 45 (часть 1) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации – обеспечить справедливое разрешение судом споров, возникающих между организатором публичного мероприятия и уполномоченным органом государственной или муниципальной власти относительно указания в уведомлении о проведении публичного мероприятия форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, а тем самым эффективную защиту и восстановление данного права в случае его нарушения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 99 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу, обусловленному необхо-

димостью соблюдения баланса частных и публичных интересов при организации и проведении публичных мероприятий, эти нормы в системе действующего правового регулирования:

не допускают возложения на организатора публичного мероприятия таких обязанностей по обеспечению общественного порядка и организации медицинской помощи во время его проведения, которые надлежит выполнять органам государственной и муниципальной власти и их уполномоченным представителям, обладающим в силу своего конституционно-правового статуса соответствующими публично-властными полномочиями;

не предполагают, что указание организатором публичного мероприятия в уведомлении о его проведении форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при проведении публичного мероприятия, подтверждающее принятие им на себя соответствующих обязательств и отражающее его представление о целесообразности этих форм и методов, может квалифицироваться органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления как невыполнение требований, предъявляемых данным Федеральным законом к содержанию уведомления о проведении публичного мероприятия, и служить основанием для его возвращения организатору без рассмотрения;

не освобождают орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления от направления организатору публичного мероприятия мотивированных (обоснованных) предложений об изменении (дополнении, уточнении) форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, указанных в уведомлении о его проведении, если они считают их не отвечающими требованиям данного Федерального закона;

не препятствуют организатору публичного мероприятия при недостижении соглашения с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления в отношении указанных в уведомлении о его проведении форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи обратиться в суд, который обязан в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия объективно и всесторонне оценить обоснованность замечаний (претензий), высказанных соответствующим органом организатору публичного мероприятия, а также оправданность адресованных ему предложений об изменении (дополнении, уточнении) таких форм и методов.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Тетерина Валерия Александровича, основанные на истолковании пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 854-О

по запросу группы депутатов
Государственной Думы о проверке
конституционности положений
статей 4 и 7 Федерального закона
«О внесении изменений в отдельные
законодательные акты Российской
Федерации по вопросам назначения и
выплаты пенсий»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи О.С.Хохряковой, проводившей на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

установил:

1. Группа депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, оспаривает конституционность положений статей 4 и 7 Федерального закона от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Данными положениями в федеральные законы от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» внесены изменения, предусматривающие с 1 января 2019 года поэтапное повышение возраста (на пять лет), по достижении которого назначаются государственные пенсии отдельным категориям граждан, страховые пенсии по старости и по случаю потери кормильца. В частности, предусмотрено повышение с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин возраста, по достижении которого назначается страховая пенсия по старости на общих основаниях; увеличение на пять лет возраста для назначения социальной пенсии по старости гражданам, не имеющим права на получение страховой пенсии, а также возраста, необходимого для досрочного назначения страховой пенсии по старости гражданам, работавшим в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях; для лиц, которым страховая пенсия по старости устанавливается независимо от возраста в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях для детей, лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения либо творческой деятельности на сцене в театрах или театрально-зрелищных организациях, введен срок с момента приобретения ими необходимого для назначения страховой пенсии по старости стажа соответствующей деятельности, по истечении которого возможно назначение им такой пенсии.

Как утверждается в запросе, оспариваемые законоположения «сводятся к тому, что статьями 4 и 7 необоснованно введены нормы о повышении возраста, при достижении которого будут назначаться социальные и страховые пенсии, что ухудшает и умаляет

конституционные права граждан на социальное обеспечение по старости». Заявители считают, что Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» противоречит статье 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации, «поскольку издан вопреки мнению большинства граждан и не отвечает общепризнанным критериям социального государства, так как не способствует обеспечению достойной жизни и свободному развитию российских граждан». С точки зрения заявителей, названный Федеральный закон нарушает и статью 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, «так как умаляет и ухудшает конституционные права нетрудоспособных граждан на назначение им социальной пенсии по старости, которая будет им устанавливаться на 5 лет позже, лишая многих из них единственного источника существования, а также устанавливает на 5 лет позже право на получение страховой пенсии по старости гражданам, нанося тем самым им материальный и моральный ущерб, так как в этом возрасте пожилым гражданам довольно трудно устроиться на работу, а некоторым из них продолжать работу в связи с ухудшением здоровья».

В связи с этим авторы запроса обращаются к Конституционному Суду Российской Федерации с требованием признать оспариваемые законоположения не соответствующими статьям 7 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

В обоснование своей позиции заявители ссылаются также на высокую, по их мнению, вероятность наступления негативных социально-экономических и политических последствий реализации оспариваемых норм. При этом они утверждают, что внесенные оспариваемыми нормами изменения приняты без широкой общественной поддержки (посредством общенародного референдума), без проведения подтверждающих их необходимость социально-экономических и демографических исследований, без анализа влияния повышения пенсионного возраста на бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, в том числе в отсутствие убедительных аргументов в пользу того, что избранная законодателем мера позволит избежать его дефицита и обеспечить финансовую стабильность пенсионной системы на продолжительное время, притом что, на взгляд заявителей, не предприняты иные действенные меры по формированию бездефицитного бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации. В обращении указывается и на то обстоятельство, что оспариваемые законоположения приняты без учета большинства поправок, внесенных ко второму чтению депутатами оппозиционных фракций Государственной Думы и отклоненных, как считают заявители, без должного обоснования.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты; каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом; государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом (статья 7; статья 39, части 1 и 2).

В силу приведенных конституционных положений Россия обязана создать пенсионную систему, отвечающую принципам равенства и справедливости, поддерживать ее эффективное функционирование. Такая система, с учетом экономических возможностей государства, должна обеспечивать приемлемые условия для реализации своих прав теми, кто в силу возраста, состояния здоровья, иных не зависящих от них причин не может трудиться. Соответственно, одной из главных целей пенсионного обеспечения по старости является компенсация потерь от естественной (возрастной) утраты способности к труду, удовлетворение основных жизненных потребностей пенсионеров.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, по смыслу статей 7 и 39 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи

с ее статьями 71 (пункт «в»), 72 (пункт «ж» части 1) и 76 (части 1 и 2), выбор организационно-правовых форм и механизмов реализации конституционного права на пенсионное обеспечение относится к компетенции законодателя, который располагает достаточно широкой свободой усмотрения в определении видов пенсий, правовых оснований и порядка их предоставления, правил назначения и перерасчета, а также формирования финансовой основы их выплаты. Осуществляя свои полномочия в указанной сфере, законодатель вправе не только устанавливать, но и изменять условия пенсионного обеспечения, соблюдая при этом требования Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3).

Определение пенсионного возраста как одного из условий назначения пенсии – поскольку непосредственно Конституция Российской Федерации не решает этот вопрос – также относится к прерогативе законодателя. Оставляя его решение на усмотрение законодателя, Конституция Российской Федерации тем самым не исключает возможности изменения пенсионного возраста.

Нормативные ориентиры для определения пенсионного возраста содержатся в международно-правовых актах, которые вместе с тем не препятствуют учету особенностей демографических и социально-экономических условий государства. Так, Конвенция Международной организации труда № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (ратифицирована Федеральным законом от 3 октября 2018 года № 349-ФЗ, включая раздел V «Обеспечение по старости») в статье 26 предусматривает необходимость обеспечения по старости не позднее, чем после достижения гражданином 65 лет или такого старшего возраста, который может быть определен компетентными властями с должным учетом работоспособности пожилых лиц в данной стране. В период с 1995 по 2017 год многие государства приняли решения о повышении пенсионного возраста до 65, а некоторые – до 67 лет.

Следовательно, по смыслу статей 7, 15 (часть 4), 39, 55 (часть 3), 71 (пункты «а» и «в») и 72 (пункт «ж» части 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с соответствующими международно-правовыми документами, законодатель правомочен повысить пенсионный возраст, если такое повышение обусловлено социально-экономическими, демографическими, медико-биологическими и другими объективными факторами. Иное поставило бы под вопрос надлежащее выполнение Россией как правовым социальным государством обязанности аккумулировать достаточные средства на выплату пенсий и на основе этого обеспечивать не ущемляющие достоинство личности условия для реализации гражданами своих пенсионных прав.

3. Повышение пенсионного возраста – в силу статей 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации – не должно приводить к отмене или умалению конституционного права на социальное обеспечение по возрасту, находящегося под защитой конституционных принципов равенства и справедливости.

Увеличивая на пять лет возраст, дающий право на пенсионное обеспечение по старости и по случаю потери кормильца, законодатель учитывал рост продолжительности жизни по сравнению с тем историческим периодом, когда был установлен пенсионный возраст, закрепленный в нормах пенсионного законодательства, действовавших до 1 января 2019 года, и прежде всего продолжительности жизни после назначения пенсии, а также существенное изменение структуры занятости, условий труда значительной части работающего населения, развитие медицины и системы здравоохранения и ряд иных факторов. При этом лицам, не достигшим пенсионного возраста, при заболеваниях или травмах, приводящих к полной или частичной утрате способности осуществлять трудовую деятельность, и установлении в связи с этим инвалидности гарантируется назначение пенсии по инвалидности.

Осуществленное законодателем повышение пенсионного возраста, безусловно, затрагивает права и законные интересы застрахованных лиц, поскольку получение пенсии откладывается на определенный период в зависимости от возраста на момент введения закона в действие, но само по себе оно не может расцениваться как лишение

(отмена) права на пенсионное обеспечение или его умаление. В системе обязательного пенсионного страхования сохраняют свое значение страховой стаж и индивидуальный пенсионный коэффициент, а их величина, влияющая на приобретение права на пенсию и ее размер, должна учитываться независимо от даты наступления пенсионного возраста (даты назначения пенсии). Кроме того, сохраняется право на назначение пенсии на прежних условиях для тех, кто до 1 января 2019 года уже достиг ранее установленного пенсионного возраста. Так, в части 2 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» прямо указано, что за гражданами, достигшими до этой даты возраста, дающего право на страховую пенсию по старости (в том числе на ее досрочное назначение), на социальную пенсию, и (или) имевшими право на получение пенсии, но не обратившимися за ее назначением либо не реализовавшими право на назначение пенсии в связи с несоблюдением условий назначения страховой пенсии по старости, предусмотренных Федеральным законом «О страховых пенсиях», сохраняется право на страховую пенсию по старости (в том числе на ее досрочное назначение), на социальную пенсию без учета изменений, внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

Одновременно законодателем закреплены гарантии увеличения размера страховой пенсии по старости на переходный период: такое увеличение должно обеспечиваться повышением стоимости одного пенсионного коэффициента и размера фиксированной выплаты к страховой пенсии в порядке, предусмотренном частями 7 и 8 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». В частности, с 1 января 2019 года пенсии проиндексированы на 7 процентов, с тем чтобы был превышен уровень инфляции.

Что касается социальной пенсии по старости, то в российской правовой системе (с момента введения в 1990 году института социальных пенсий) она назначалась на пять лет позже, чем трудовая (страховая) пенсия. Применение законодателем при установлении величины пенсионного возраста дифференцированного подхода в зависимости от вида пенсии (социальной или страховой) как таковое не может рассматриваться как не согласующееся с требованиями Конституции Российской Федерации. Сохранение пятилетнего разрыва между возрастом назначения страховой и социальной пенсий по старости призвано отразить различие в правовом положении граждан, выполнивших все условия для назначения страховой пенсии, и граждан, которые эти условия не выполнили.

Для граждан, работающих в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях, установлены такие же темпы повышения пенсионного возраста (до 60 и 55 лет – соответственно для мужчин и женщин), как и для граждан, которым страховая пенсия по старости назначается на общих основаниях, а возрастные параметры отличаются от предусмотренных для всех застрахованных лиц, работающих в иных регионах, на такую же величину, как и в соответствии с ранее действовавшим регулированием. Следовательно, в отношении данной категории застрахованных лиц сохранены льготные условия пенсионного обеспечения, гарантирующие им назначение пенсии по старости до достижения общеустановленного пенсионного возраста.

Льготные условия пенсионного обеспечения сохранены и при изменении пенсионного возраста для лиц, осуществлявших творческую деятельность на сцене в театрах или театрально-зрелищных организациях (в зависимости от характера этой деятельности) не менее 15–30 лет и имевших ранее право на назначение пенсии по старости по достижении 50–55 лет.

Для лиц, которым страховая пенсия по старости устанавливалась независимо от возраста в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях для детей, лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях

здравоохранения либо творческой деятельности на сцене в театрах или театрално-зрелищных организациях (пункты 19–21 части 1 статьи 30 Федерального закона «О страховых пенсиях»), законодатель, не изменяя требований к продолжительности специального страхового стажа, предусмотрел, что пенсия им назначается не ранее сроков, указанных в приложении 7 к Федеральному закону «О страховых пенсиях» (с постепенным увеличением данного срока с 12 месяцев в 2019 году и на 12 месяцев ежегодно с достижением к 2023 году величины 60 месяцев), т.е. ввел период ожидания возможности реализовать уже возникшее исходя из продолжительности соответствующих видов деятельности право на пенсию по старости. При этом период, когда пенсия по старости им не назначается, по срокам синхронизирован с повышением общеустановленного пенсионного возраста. Для каждого из таких лиц, имеющих необходимый для приобретения права на пенсию специальный страховой стаж, это, по сути, означает увеличение фактического возраста досрочного назначения страховой пенсии по старости в общей сложности на 60 месяцев.

Вводя такое регулирование, законодатель действовал в рамках своей дискреции, учитывая, что демографические, социально-экономические и иные факторы, в связи с которыми было признано необходимым изменение условий пенсионного обеспечения в части повышения пенсионного возраста, относятся в той же степени и к указанным категориям застрахованных лиц. Этим не ставится под сомнение правомочие законодателя сохранить для отдельных категорий граждан прежние условия назначения пенсий, обусловленные особыми обязательствами государства перед ними, особенностями условий их труда или нуждаемостью в повышенной социальной защите.

4. Неконституционность положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» группа депутатов Государственной Думы связывает с тем, что повышение пенсионного возраста, на их взгляд, не является необходимой мерой. Этот вывод заявители делают на основе своей оценки проводимой Правительством Российской Федерации государственной политики (финансово-экономической, социальной, демографической) как ошибочной и несправедливой, а также исходя из своего негативного прогноза изменений социально-экономической и политической ситуации в связи с введением в действие данного Федерального закона.

Проблему обеспечения финансовой устойчивости системы обязательного пенсионного страхования, как утверждает в запросе, следовало бы решать не посредством повышения пенсионного возраста, а за счет использования других средств. По мнению заявителей, «основным ограничителем для обеспечения достойного размера пенсий являются не низкий пенсионный возраст, а низкие размеры зарплаты и предельно высокая дифференциация работников по ее уровню»; «социальная несправедливость, положенная в основу принятия Федерального закона № 350-ФЗ, особенно ярко проявляется в связи с тем, что Правительством Российской Федерации не использованы предлагавшиеся возможности более справедливого распределения налогового бремени путем введения прогрессивной шкалы подоходного налога, частичного сокращения доходов наиболее обеспеченных слоев населения, не созданы предпосылки для преодоления массовой безработицы, выхода экономики страны из затянувшегося кризиса».

По сути, названный Федеральный закон, как считают заявители, стал следствием ошибочной государственной политики в различных областях общественной жизни. В частности, не были приняты эффективные меры по ликвидации безработицы, не учтена, несмотря на тенденцию старения населения, низкая продолжительность жизни российских граждан, необоснованно понижены тарифы страховых взносов и приняты другие решения, вызвавшие дефицит бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации.

Как полагают заявители, «финансово-экономический блок Правительства Российской Федерации не провел предварительную всестороннюю оценку последствий принятия данного Федерального закона, не были проведены научные и экспертно-аналитические исследования вопроса об определении прогнозируемых сроков повышения

пенсионного возраста с учетом существующих показателей и проблем, а также прогнозируемых позитивных и негативных последствий в сфере демографии, занятости, внутренней политики, миграции, а самое главное в финансово-экономической сфере».

Между тем изучение материалов, в том числе представленных государственными органами и научными организациями по запросам Конституционного Суда Российской Федерации, свидетельствует о том, что принятие решения о пенсионном возрасте основывалось на экспертно-аналитической проработке данного вопроса; мнения же о целесообразности и последствиях такого решения, действительно, были и остаются различными, что на момент окончательной подготовки названного Федерального закона к принятию было известно участникам законотворческого процесса. При этом оценка использования статистических, аналитических и иных сведений и результатов научных и экспертных исследований, достоверности проведенного анализа лежит за пределами рассмотрения вопроса о конституционности правовых норм.

Конституционные положения о социальном государстве и развивающие их правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не предполагают установления количественных критериев или экономических показателей, которые создавали бы конституционно-правовой инструмент оценки законодательного решения о внесении такого рода изменений в пенсионную систему. Поэтому проверка оспариваемых норм с целью ответа на вопрос о том, возможно ли в действующей системе правового регулирования повышение пенсионного возраста, – притом что Конституция Российской Федерации, как уже отмечалось, не содержит прямого указания на такой возраст и запрета на его изменение – фактически означала бы оценку социально-экономической обоснованности и целесообразности решений законодателя.

В силу статей 10, 118 (часть 2) и 125 Конституции Российской Федерации, частей третьей и четвертой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права и не рассматривает оспариваемые нормативные положения с точки зрения социально-экономической, политической и иной целесообразности, в том числе – влияния на социально-экономическую и политическую обстановку, а также с позиции экономической обоснованности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 1997 года № 16-П, от 22 июля 2002 года № 14-П, от 9 июля 2012 года № 17-П, от 19 марта 2014 года № 6-П и от 6 декабря 2018 года № 44-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2001 года № 179-О, от 2 октября 2003 года № 382-О и др.).

В частности, в основу конституционно-правовой оценки оспариваемого регулирования не может быть положено то обстоятельство, что в случае нехватки в финансовой системе обязательного пенсионного страхования денежных средств для обеспечения выплаты пенсий законодатель может предусмотреть увеличение трансферта из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации.

За счет средств федерального бюджета обеспечиваются, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 декабря 1997 года № 21-П, соблюдение и защита прав и свобод граждан, а также осуществление социальной функции государства (статьи 2 и 7 Конституции Российской Федерации): финансирование учреждений здравоохранения, образования, культуры, вооруженных сил, правоохранительных органов, предприятий, выполняющих государственный заказ, и, следовательно, выплата заработной платы работникам организаций бюджетной сферы, денежного содержания государственным служащим, оказание государственной поддержки семьям с детьми и пр.

Следовательно, увеличение прямых поступлений из бюджета Российской Федерации в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации для сохранения и повышения уровня страховых пенсий не может осуществляться без учета необходимости реализовывать иные конституционно значимые направления государственной политики. При таких обстоятельствах вопрос о возможности и пределах расширения использования

бюджетных средств для пополнения бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации в целях исполнения им обязательств по выплате страховых пенсий относится к вопросам социально-экономической целесообразности. Соответственно, оценка того, обоснованно ли эта возможность не была использована в конкретных социально-экономических условиях, равно как и оценка возможности увеличения бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации за счет повышения тарифов страховых взносов, выходит за рамки полномочий Конституционного Суда Российской Федерации.

5. По смыслу статей 7 и 39 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изменение законодателем ранее установленных условий пенсионного обеспечения, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан в указанной сфере, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, – в частности, посредством установления временного регулирования – в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П и др.).

Повышение пенсионного возраста неизбежно связано с изменением жизненных планов лиц предпенсионного возраста, которые рассчитывали на реализацию права на пенсию в соответствии с ранее действовавшим правовым регулированием. Этим предопределяется необходимость установления переходного периода для адаптации к вносимым изменениям и иных законодательных мер, призванных смягчить последствия введения нового правового регулирования.

В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» повышение пенсионного возраста будет происходить поэтапно, начиная с 2019 года. В течение каждого календарного года предусмотрено увеличение на 12 месяцев пенсионного возраста, равно как и периода ожидания назначения досрочной страховой пенсии по старости со дня возникновения права на нее для тех категорий граждан, которым эта пенсия назначается независимо от возраста.

При этом на начальном этапе переходного периода гражданам, которые с 1 января 2019 года по 31 декабря 2020 года достигнут возраста, дающего право на страховую пенсию по старости (в том числе на ее досрочное назначение) в соответствии с законодательством, действовавшим до 1 января 2019 года, либо приобретут стаж на соответствующих видах работ, требуемый для досрочного назначения пенсии, страховая пенсия по старости может назначаться ранее достижения возраста либо наступления сроков, предусмотренных соответственно приложениями 6 и 7 к Федеральному закону «О страховых пенсиях», но не более чем за шесть месяцев до достижения такого возраста либо наступления таких сроков. Аналогичное правило установлено в отношении граждан, которым по достижении соответствующего возраста устанавливается социальная пенсия по старости (части 3 и 4 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»).

Кроме того, закреплены меры, адресованные прежде всего гражданам, которые в ближайшие годы могли бы реализовать право на назначение пенсии согласно законодательству, действовавшему до 31 декабря 2018 года включительно.

Так, в частности, введены дополнительные гарантии охраны здоровья для работающих граждан предпенсионного возраста и работающих пенсионеров (в форме освобождения от работы для прохождения диспансеризации с сохранением места работы и среднего заработка); для граждан предпенсионного возраста повышена максимальная

величина пособия по безработице и увеличен период его выплаты, сохранены налоговые льготы по уплате налога на имущество и прежние условия назначения накопительной пенсии, а также предоставления за счет средств пенсионных накоплений единовременной или срочной пенсионной выплаты.

Лицам, имеющим страховой стаж не менее 42 и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), страховая пенсия по старости может назначаться на 24 месяца ранее достижения вновь установленного пенсионного возраста, но не ранее достижения 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины). Предусмотрено назначение страховой пенсии в более раннем возрасте для женщин, родивших трех, четырех и более детей и воспитавших их до восьмилетнего возраста (ранее такая льгота была предусмотрена только для женщин, родивших пять и более детей).

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации в России как правовом социальном государстве законодатель должен соблюдать баланс прав и законных интересов всех участников соответствующих правоотношений (постановления от 24 января 2002 года № 3-П, от 8 июня 2010 года № 13-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 4 июня 2015 года № 13-П и др.). В связи с этим нет оснований полагать, что в данном случае законодателем проигнорированы требования, вытекающие из принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в отношении установления переходного периода, и что такой переходный период носит сугубо формальный характер. Проверка же того, возможно ли было установить более длительный переходный период или отсрочить начало применения оспариваемого регулирования, неизбежно связана с оценкой социально-экономической и демографической ситуации в стране и соответствующей государственной политики, а потому выходит за пределы компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

6. Демократическое правовое социальное государство, по смыслу статей 1 (часть 1), 3 (части 2 и 3), 7 (часть 1) и 32 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, должно стремиться к учету мнения граждан в процессе принятия законодательных решений, затрагивающих их наиболее значимые социальные права и социально-экономические интересы. В частности, широкое обсуждение законопроектов, предусматривающих изменение условий назначения пенсий, обеспечивает демократический процесс выработки рационального и обоснованного законодательного решения.

Принятый во втором чтении законопроект, а также связанные с ним изменения, внесенные в другие законодательные акты, содержали значительные коррективы (в частности, пенсионный возраст для женщин был снижен на три года по сравнению с предполагавшимся при внесении законопроекта в Государственную Думу) и предусматривали меры, направленные на смягчение последствий повышения пенсионного возраста.

Что касается вопроса о том, в какой степени учтены предпочтения и пожелания граждан в ходе работы над законопроектом, то само по себе это не может выступать критерием оценки конституционности принятого законодателем решения.

Проводя социально-экономическую политику и осуществляя правовое регулирование в сфере социального обеспечения, государство, для которого социальные права граждан являются одной из высших ценностей, обязано принимать в расчет материальные ресурсы, необходимые также для выполнения иных конституционно значимых задач и защиты других конституционных ценностей в условиях актуальных и потенциальных рисков и вызовов. Такой подход не может рассматриваться как ставящий под сомнение принцип народовластия (статья 3 Конституции Российской Федерации), поскольку органы государственной власти несут политическую ответственность именно перед российским народом, в интересах которого и должны приниматься решения, даже если правотворческие намерения не получают поддержки значительной части граждан.

Не вытекает из Конституции Российской Федерации, безотносительно к высокой общественной значимости оспариваемых законоположений, и необходимость проведения всенародного обсуждения законопроекта, принятого в первом чтении (часть

шестая статья 119 Регламента Государственной Думы), либо референдума по тому или иному вопросу, который предлагается решить в законе, находящемся на рассмотрении Государственной Думы.

Что же касается поправок к данному законопроекту, то порядок работы с ними (их изучения, обобщения, принятия либо отклонения) установлен Регламентом Государственной Думы и Конституцией Российской Федерации не регулируется. Вместе с тем содержание парламентской деятельности во многом состоит в конкуренции различных позиций по политическим и социально-экономическим вопросам при формировании окончательного текста федеральных законов, что выражается и в отношении к поправкам, внесенным между первым и вторым чтением. Требование обязательности мотивированного (обстоятельного) обоснования отрицательного отношения к поправкам фактически подрывало бы принцип свободного, связанного лишь Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми обязательствами, выбора парламентским большинством законодательного решения, затрудняло бы эффективную работу парламента как института представительной демократии.

Депутаты и фракции (политические партии), оказавшиеся в меньшинстве, не лишены возможности как критиковать своих оппонентов, так и ставить вопрос о внесении изменений в те положения, против которых были направлены их поправки, в ходе парламентской деятельности. Парламентское же большинство, реализовав свое преимущество при голосовании, несет риск утраты электоральной поддержки и доверия избирателей ввиду возможных негативных последствий принятых законодательных решений. В этом в том числе проявляется политическая и, в частности, парламентская и партийная конкуренция, основанная на принципах народовластия, правовой демократии и политического плюрализма (статья 1, часть 1; статья 3, части 1–3; статья 13, часть 3; статья 32, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

7. Согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является – применительно к полномочию по осуществлению конституционного нормоконтроля – обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор.

Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что оспариваемые положения статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» такой неопределенности не содержат, поскольку Конституция Российской Федерации не исключает возможности повышения пенсионного возраста федеральным законом. Вопрос же о целесообразности данной меры – как предполагающий по существу оценку ее социально-экономической обоснованности в контексте проводимой государственной политики, а также демографических и иных факторов – не может быть разрешен Конституционным Судом Российской Федерации; иное выходило бы за пределы его компетенции, установленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь частью третьей статьи 3, частью второй статьи 36, пунктами 1 и 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесе-

ния предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

11 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 862-О

по запросу Тракторозаводского
районного суда города Челябинска
о проверке конституционности части
второй статьи 35 и части второй статьи
162 Уголовного кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Тракторозаводского районного суда города Челябинска,

установил:

1. Часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Согласно же части второй статьи 35 данного Кодекса преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

В производстве Тракторозаводского районного суда города Челябинска находится уголовное дело по обвинению граждан С. и Т. в совершении преступлений, в том числе предусмотренного частью третьей статьи 162 УК Российской Федерации, а именно разбоя (т.е. нападения в целях хищения чужого имущества), совершенного группой лиц по предварительному сговору с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, и с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище.

Согласно предъявленному обвинению, С., Т. и не установленное следствием третье лицо вступили в предварительный сговор на совершение тайного хищения чужого имущества (кражи). Реализуя совместный умысел, они прибыли к огороженной территории общества с ограниченной ответственностью, где Т. остался наблюдать за окружающей обстановкой, чтобы предупредить соучастников об опасности при появлении посторонних. Проникнув на территорию, С. и третий соучастник стали выносить медные шины, но были обнаружены сотрудником общества И., который потребовал прекратить противоправные действия. Не установленный следствием соучастник с целью устрашения и преодоления возможного сопротивления со стороны И. направил на него многозарядный пневматический газобаллонный пистолет, приказал поднять руки и не двигаться, угрожая применением насилия. После этого соучастники завладели медными шинами (стоимостью 225 225 рублей 74 копейки) и скрылись с похищенным имуществом, в дальнейшем распорядившись им по своему усмотрению.

Рассмотрев материалы уголовного дела, Тракторозаводский районный суд города Челябинска принял решение о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации и производство по делу приостановил.

В своем запросе заявитель просит проверить, соответствуют ли статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации часть вторая статьи 35 и часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации постольку, поскольку на их основании решается вопрос об уголовной ответственности за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору (несмотря на то что обвинение С. и Т. в разбое предъявлено по части третьей статьи 162 данного Кодекса, названный квалифицирующий признак предусмотрен ее частью второй, которая и выступает предметом обращения). Как указывает заявитель, эти нормы по смыслу, придаваемому им официальным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, устанавливают для лиц, предварительно договорившихся о совершении кражи, иные (различные) условия уголовной ответственности в случае, если один из соисполнителей вышел за пределы совместного умысла и совершил действия, подлежащие правовой оценке в качестве разбоя, а другие члены группы продолжили свое участие в преступлении, используя примененное соисполнителем насилие либо угрозу его применения для завладения имуществом или удержания имущества.

2. Законодатель, реализуя предоставленные ему Конституцией Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «о») полномочия в сфере регулирования и защиты права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, предусматривает – исходя из конституционно признаваемых целей и принимая во внимание вытекающие из Конституции Российской Федерации требования разумности и соразмерности – способы охраны собственности, в том числе от преступных посягательств, конструируя в Уголовном кодексе Российской Федерации составы преступлений, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность.

Опираясь на положения Конституции Российской Федерации, включая ее статью 19, провозглашающую принцип равенства, и статью 54 (часть 2), запрещающую возлагать ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, законодатель установил в статье 3 УК Российской Федерации, что преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом, а применение уголовного закона по аналогии недопустимо. Данные нормы позволяют гражданам осознавать сущность уголовно-правовых запретов и предвидеть наступление ответственности за их нарушение, притом что в силу принципа вины лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается (статья 5 УК Российской Федерации).

Таким образом, закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности хотя и относится к дискреции законодателя, но должно осуществляться им с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности, с тем чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам конкретных общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности.

2.1. Согласно статье 8 УК Российской Федерации основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом.

Общие же признаки преступлений, совершаемых в соучастии, закреплены в нормах главы 7 данного Кодекса, определяющих соучастие в преступлении как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (статья 32) и, в частности, признающих преступление совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (часть вторая статьи 35). Тем самым для признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору необ-

ходимо установить соответствующие объективные и субъективные признаки, проявляющиеся в том числе в совместных действиях, умысел на совершение которых (сговор) возник заранее, до выполнения самого преступного деяния.

Имея в виду принцип вины, законодатель дополнительно конкретизировал в статье 36 данного Кодекса правовые последствия эксцесса исполнителя, которым считается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников: за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Приведенные положения Общей части УК Российской Федерации, принадлежащие уголовно-правовому институту соучастия в преступлении, подлежат применению на основе исследуемых судом фактических обстоятельств конкретных дел о групповых преступлениях, запрещенных нормами Особенной его части.

2.2. Принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 17-П).

Закрепляя в главе 21 УК Российской Федерации составы преступлений против собственности, законодатель отнес к ним разбой, т.е., согласно части первой статьи 162 данного Кодекса, нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Дифференцируя (усиливая) ответственность в части второй той же статьи за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, он не вышел за пределы своих дискреционных полномочий, а, напротив, учел повышенную общественную опасность разбоя вследствие изменения способа совершения этого преступления и его субъектного состава.

Вместе с тем, рассматриваемый во взаимосвязи с положениями статей 5, 8, 25, 32, 35 и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, квалифицирующий признак разбоя в виде его совершения группой лиц по предварительному сговору, предусмотренный частью второй статьи 162 данного Кодекса, может устанавливаться судом и влечь более строгую уголовную ответственность (служить средством дифференциации ответственности) лишь при совершении этого деяния лицами, заранее договорившимися о совместном совершении преступления и действовавшими с прямым умыслом, направленным на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества.

В постановлении от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161 и 162 УК Российской Федерации; если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками (абзац второй пункта 14¹). Эти разъяснения не ограничивают применение общих положений об эксцессе исполнителя, содержащихся в статье 36 данного Кодекса.

Тем самым часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации – с учетом ее места в системе уголовно-правового регулирования и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – предполагает оценку деяния как разбоя лишь для тех соучастников, кто применил физическое или психическое насилие либо воспользовался им для хищения чужого имущества, т.е. осознавал факт насилия и факт посягательства не на один объект (собственность), а на два или более объекта уголовно-правовой охраны (собственность, жизнь, здоровье). Те же участники группы лиц по предварительному сговору, которые продолжили участие в изъятии либо удержании чужого имущества, не осознавая изменение способа хищения при эксцессе других исполнителей, должны нести ответственность исходя из тех признаков преступления, которые охватывались их умыслом.

Следовательно, часть вторая статьи 35 и часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации призваны обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Поскольку, таким образом, отсутствует неопределенность в вопросе о соответствии этих норм Конституции Российской Федерации в аспекте, обозначенном в запросе Тракторозаводского районного суда города Челябинска, данный запрос не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению запроса Тракторозаводского районного суда города Челябинска, поскольку он не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми такого рода обращения в Конституционный Суд Российской Федерации признаются допустимыми.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ИМЕНЕМ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

11 апреля
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 863-О

по жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан В.В.Зубкова и О.В.Крупочкина,

установил:

1. Постановлением от 21 декабря 2017 года Кировский районный суд города Ярославля отказал в принятии к рассмотрению ходатайства, поданного в соответствии со статьей 165 УПК Российской Федерации, регламентирующей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия, старшим следователем следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ярославской области о разрешении допросить О.В.Крупочкина, являющегося адвокатом, в качестве свидетеля и провести с его участием очную ставку в рамках расследования уголовного дела в отношении В.В.Зубкова, который обвиняется в двух покушениях на мошенничество (часть третья статьи 30 и часть четвертая статьи 159 УК Российской Федерации) и в фальсификации доказательств по гражданскому делу (часть первая статьи 303 УК Российской Федерации) и которому О.В.Крупочкин оказывал юридическую помощь. Суд пришел к выводу, что целью данных следственных действий служит проверка причастности О.В.Крупочкина к содеянному В.В.Зубковым, и указал на необходимость руководствоваться при уголовном преследовании адвоката положениями главы 52 УПК Российской Федерации об особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

На основании постановления следователя от 25 декабря 2017 года О.В.Крупочкин для допроса об обстоятельствах представления им в суд по гражданскому делу с участием В.В.Зубкова подложной копии договора был подвергнут приводу к следователю без предварительного судебного решения, поскольку О.В.Крупочкин, ссылаясь на свой статус представителя В.В.Зубкова в гражданском деле и его защитника в уголовном деле, явиться на допрос и дать показания отказался. Эта позиция О.В.Крупочкина была отражена и в протоколе его допроса в качестве свидетеля от 27 декабря 2017 года.

О.В.Крупочкин обратился в Кировский районный суд города Ярославля с жалобой на постановление следователя, на действия и бездействие сотрудников правоохранительных органов, связанные с его приводом и допросом, однако постановлением от 19 марта 2018 года (оставлено без изменения апелляционным постановлением Ярославского областного суда от 14 мая 2018 года) суд отказал в удовлетворении жалобы в части признания незаконными решения следователя и самого привода, а в остальном производство по жалобе прекратил.

Впоследствии, при рассмотрении уголовного дела В.В.Зубкова, в котором О.В.Крупочкин участвовал в качестве защитника, Дзержинский районный суд города Ярославля постановлением от 3 октября 2018 года удовлетворил заявление стороны обвинения об отводе О.В.Крупочкина ввиду того, что в данном деле тот является свидетелем.

В.В.Зубков и О.В.Крупочкин просят признать противоречащими статьям 2, 8 (часть 2), 18, 19, 32 (части 1 и 5), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 51, 56 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации нормы следующих статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 38, предусматривающей права и обязанности следователя при осуществлении предварительного следствия по уголовному делу;

статьи 88, содержащей правила оценки доказательств;

статьи 113, регулирующей привод к дознавателю, следователю или в суд обвиняемого, свидетеля и иных лиц в случае их неявки по вызову без уважительных причин;

статьи 125 о судебном порядке рассмотрения жалоб;

статьи 152, а именно ее части первой, в соответствии с которой предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей; в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания; поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Заявители также оспаривают конституционность положений части 2 статьи 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» о том, что требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

По мнению заявителей, указанные нормы неконституционны, поскольку позволяют без предварительного решения суда производить в отношении адвоката оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, в том числе наблюдать за адвокатом, задерживать адвоката, осуществлять его привод на допрос в качестве свидетеля, допрашивать в этом качестве, применять к нему иные подобные меры.

2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях (постановления от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П, определения от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О и др.), что право на получение квалифицированной юридической помощи – в числе других прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам междуна-

родного права (статьи 2, 17, 18 и 48 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления их деятельности. Право пользоваться помощью адвоката (защитника) признается в качестве одного из основных прав человека и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, – Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункты «b», «d» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «с» пункта 3 статьи 6).

Необходимая составляющая права пользоваться помощью адвоката (защитника) – обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, которая выступает не привилегией адвоката, а гарантией законных интересов его доверителя, подлежащих защите в силу Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещающей сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), закрепляющей право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), а также право не свидетельствовать против самого себя (статья 51, часть 1), которое означает не только отсутствие у лица обязанности давать против себя показания в качестве свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или предоставлять такие сведения в какой бы то ни было иной форме, но и запрет на принудительное изъятие и использование таких сведений, если они были ранее доверены лицом адвокату под условием сохранения их конфиденциальности в целях обеспечения защиты своих прав и законных интересов.

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию, каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств, а обвиняемый – право не быть принуждаемым к даче показаний против себя самого (подпункт «g» пункта 3 статьи 14 и статья 17), и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции и не допускающей вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (статья 8).

Конституционные предписания и корреспондирующие им нормы международного права, исключающие возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечивать в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на юридическую помощь и для эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокат – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации.

Признание и обеспечение со стороны государства конфиденциального характера любых сношений и консультаций между юристами и их клиентами в рамках их про-

фессиональных отношений провозглашаются Основными принципами, касающимися роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года). На необходимость гарантировать независимость адвокатов при ведении дел, с тем чтобы обеспечить оказание свободной, справедливой и конфиденциальной юридической помощи и конфиденциальность отношений с клиентом, указывают Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (приняты 7 сентября 1990 года). Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1998 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) также относит к основным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3).

3. В российском законодательстве сформирован процессуальный режим, в рамках которого возможно проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката.

3.1. В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю; адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пункты 1 и 2).

Данным положениям корреспондирует статья 56 УПК Российской Федерации, в силу которой не подлежат допросу в качестве свидетелей: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого; адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (пункты 2 и 3 части третьей).

Однако такие гарантии распространяются лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с носящими уголовно противоправный характер нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя (в частности, за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката), ни со стороны третьего лица. При этом вмешательство органов государственной власти во взаимоотношения подозреваемого, обвиняемого с избранным им адвокатом может иметь место в исключительных случаях – при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 186-О, от 29 марта 2016 года № 689-О, от 6 июня 2016 года № 1232-О, от 29 сентября 2016 года № 1758-О и от 17 июля 2018 года № 1941-О).

3.2. В случаях, если с учетом положений закона осуществление в отношении адвоката следственных действий возможно, то обыск, осмотр и выемка в его отношении допускаются при наличии предварительного судебного решения, как того требуют пункт 5² части второй статьи 29 и статья 450¹ УПК Российской Федерации.

Проведение в отношении адвокатов других следственных действий, включая допрос в качестве свидетеля, и оперативно-розыскных мероприятий также допускается только на основании судебного решения в силу предписаний пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Эта норма, устанавливая для защиты прав и законных интересов данной категории лиц дополнительные гарантии, обусловленные их особым правовым статусом, пользуется приоритетом, как специально предназначенная для регулирования соответствующих отношений (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Допрос адвоката в качестве свидетеля, тем более сопряженный с его принудительным приводом, проведенный в нарушение указанных правил без предварительного судебного решения, создает реальную угрозу для адвокатской тайны. Последующий судебный контроль зачастую не способен восстановить нарушенное право доверителя на юридическую помощь: ни признание протокола допроса недопустимым доказательством, ни возвращение отведенному адвокату статуса защитника, ни привлечение следователя к ответственности не могут восполнить урон, нанесенный данному конституционному праву, притом что разглашенная адвокатская тайна уже могла быть использована стороной обвинения в тактических целях.

Таким образом, в силу правового режима, сформированного в российском законодательстве в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормами международного права, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, положения статьи 113 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не предполагают привод адвоката к следователю для его допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием им юридической помощи, без предварительного судебного решения.

Проведение таких процессуальных действий в отношении адвоката, участвующего в уголовном деле в качестве защитника, с применением правовых норм вопреки их смыслу, выявленному Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях, включая настоящее Определение, само по себе не может служить основанием для отстранения этого адвоката от дальнейшего участия в качестве защитника в данном уголовном деле.

3.3. Что касается положений статей 38, 88, 125 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», то они не исключают необходимость выполнения правоприменителями в процессе уголовного преследования всего комплекса мер по охране прав и законных интересов лиц и организаций в уголовном судопроизводстве, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в частности статьями 7, 11, 14 и 16 данного Кодекса (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1190-О-О, от 25 января 2012 года № 173-О-О, от 26 октября 2017 года № 2275-О и др.).

Действительные или предполагаемые нарушения права на юридическую помощь могут быть предметом судебного контроля в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке, а также при рассмотрении уголовного дела по существу. Так, согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства,

обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» судам надлежит реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту; при наличии к тому оснований суд, в частности, вправе в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации признать полученные доказательства недопустимыми (статья 75), возвратить уголовное дело прокурору в порядке, установленном статьей 237 данного Кодекса (часть третья статьи 389²² и часть третья статьи 401¹⁵), изменить или отменить судебное решение (статья 389¹⁷ и часть первая статьи 401¹⁵) и (или) вынести частное определение (постановление), в котором обратить внимание органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер (часть четвертая статьи 29).

Кроме того, В.В.Зубковым и О.В.Крупочкиным не представлены материалы, подтверждающие применение судами в их отношении положений статьи 88 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации в указанном ими смысле. Упоминание же этих норм в решении суда по уголовному делу не обязательно свидетельствует об их применении, поскольку, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, сама по себе ссылка в судебном решении на то или иное законоположение не означает, что оно применялось судом в деле заявителя (определения от 29 мая 2012 года № 1031-О, от 28 мая 2013 года № 780-О, от 24 июня 2014 года № 1502-О, от 25 сентября 2014 года № 2216-О и др.).

4. Тем самым нет оснований полагать, что оспариваемые нормы нарушают права В.В.Зубкова и О.В.Крупочкина в обозначенном ими аспекте. Проверка же законности и обоснованности правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявителей, в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она закреплена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

Поскольку, с учетом высказанных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления, их жалоба не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

13 мая
2019 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1197-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем седьмым статьи 3 и статьей 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», частью первой статьи 56 Федерального закона «О животном мире» и статьей 58 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А.Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы АО «Группа «Илим»,

установил:

1. АО «Группа «Илим» оспаривает конституционность следующих взаимосвязанных положений:

абзаца седьмого статьи 3 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в соответствии с которым хозяйственная и иная деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, оказывающая воздействие на окружающую среду, должна осуществляться на основе, в частности, принципов платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде;

статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», согласно которой юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством (пункт 1); вред окружающей среде, причиненный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в том числе на проект

которой имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы, включая деятельность по изъятию компонентов природной среды, подлежит возмещению заказчиком и (или) юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (пункт 2); вред окружающей среде, причиненный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды (пункт 3);

части первой статьи 56 Федерального закона от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире», предусматривающей, что юридические лица и граждане, причинившие вред объектам животного мира и среде их обитания, возмещают нанесенный ущерб добровольно либо по решению суда или арбитражного суда в соответствии с таксами и методиками исчисления ущерба животному миру, а при их отсутствии – по фактическим затратам на компенсацию ущерба, нанесенного объектам животного мира и среде их обитания, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды;

статьи 58 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в силу которой возмещение вреда, причиненного охотничьим ресурсам, осуществляется в добровольном порядке или в судебном порядке на основании утвержденных в соответствии с Федеральным законом «О животном мире» такс и методик исчисления ущерба, причиненного животному миру, а при их отсутствии – исходя из затрат на воспроизводство охотничьих ресурсов.

1.1. Решением Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 25 апреля 2017 года были удовлетворены исковые требования Усть-Илимского межрайонного прокурора, предъявленные к АО «Группа «Илим», о возмещении ущерба, причиненного в 2013–2015 годах объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания в результате хозяйственной деятельности по заготовке древесины, в размере 8 510 778,32 руб. Установив, что на арендованных заявителем участках леса ведется заготовка древесины (рубка спелых и перестойных лесных насаждений) и ее вывоз, в связи с чем задействована техника и технологические механизмы, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что факт антропогенного воздействия производственной деятельности человека на окружающую среду является очевидным и доказыванию не подлежит; при этом в удовлетворении ходатайства АО «Группа «Илим» о назначении судебной экологической экспертизы было отказано. Кроме того, был признан обоснованным представленный истцом расчет размера ущерба объектам животного мира (охотничьим ресурсам), произведенный в соответствии с Методикой исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, утвержденной приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 948, применяемой, в частности, при исчислении такого вреда, причиненного вследствие нарушения или уничтожения среды обитания охотничьих ресурсов, если в результате такого нарушения охотничьи ресурсы навсегда (или временно) покинули территорию обитания, что повлекло их гибель, сокращение численности на данной территории, снижение продуктивности их популяций, а также репродуктивной функции отдельных особей. Ссылки же АО «Группа «Илим» на принятые меры по воспроизводству лесов и иные, установленные проектом освоения лесов, были отклонены, а также учтено, что в расчет арендной платы не включены расходы на устранение причиненного вреда объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 10 июля 2017 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения, апелляционная жалоба заявителя – без удовлетворения. При этом суд апелляционной инстанции не согласился с доводами акционерного общества о том,

что вред окружающей среде может быть причинен только противоправными действиями, поскольку российское природоохранное законодательство допускает возникновение имущественной ответственности и за правомерные действия. Также данная судебная коллегия отметила, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в Постановлении от 2 июня 2015 года № 12-П, касались учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов, и не могут привести к отмене решения суда первой инстанции.

Определением судьи Иркутского областного суда от 31 августа 2017 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 22 января 2018 года в передаче кассационных жалоб на данные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции заявителю было отказано.

1.2. Решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2018 года отказано в удовлетворении административного искового заявления АО «Группа «Илим» о признании частично недействующими подпункта «б» пункта 2, подпункта «б» пункта 3, пунктов 5 и 6 Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам. Суд первой инстанции пришел к выводу, что, вопреки доводам административного истца, оспариваемые пункты данной Методики не устанавливают основания и условия гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный охотничьим ресурсам и среде их обитания, и не определяют вопросы, связанные с доказыванием факта нарушения действующего законодательства.

Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу заявителя – без удовлетворения, не согласилась, в частности, с утверждением акционерного общества о том, что оспариваемые положения Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, допускают отождествление правомерной деятельности по заготовке древесины с влекущим привлечение к имущественной ответственности нарушением или уничтожением среды обитания объектов животного мира (охотничьих ресурсов) (апелляционное определение от 3 июля 2018 года).

1.3. По мнению АО «Группа «Илим», оспариваемые законоположения, примененные судами в конкретных делах с его участием, противоречат статьям 17 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают возможность привлечения лиц, осуществляющих на законных основаниях хозяйственную деятельность по заготовке древесины, к ответственности за причиняемый объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания вред, наступление которого объективно и неизбежно сопутствует такой деятельности. При этом при расчете размера причиненного вреда с применением такс (методик) не принимаются во внимание ни размер платы за пользование лесом, которую заявитель вносит согласно условиям договора аренды лесного участка, ни расходы на природоохранные мероприятия, осуществляемые им в соответствии с проектом освоения лесов, прошедшим государственную экспертизу (в частности, работы по лесовосстановлению). Кроме того, заявитель указывает, что законодатель не был лишен возможности предусмотреть экологический платеж (плату за негативное воздействие на окружающую среду), в составе которого учитывался бы размер вреда, причиняемый объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания, что позволило бы заявителю заблаговременно планировать финансовые издержки осуществления деятельности по заготовке древесины.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

В Постановлении от 2 июня 2015 года № 12-П, опираясь на положения статей 9 (часть 1), 36 (часть 1), 42 и 58 Конституции Российской Федерации, а также на положе-

ния ее преамбулы, в совокупности устанавливающие принципы и ориентиры в сфере законодательного регулирования охраны окружающей среды, а равно управления находящимися в государственной собственности природными ресурсами, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовые позиции о том, что:

необходимо достижение баланса частных и публичных интересов в экономической сфере и в сфере обеспечения экологической безопасности путем установления правового регулирования, ориентированного на профилактику экологических правонарушений и на стимулирование щадящих по отношению к окружающей среде методов хозяйствования в целях так называемого экосовместимого экономического развития, что предполагает использование как частноправовых, так и публично-правовых методов регулирования, включающих широкий набор правовых средств (административных, фискальных и др.);

лес как природный ресурс является комплексной экологической системой, состоящей из почв, подземных и наземных источников, объектов растительного и животного мира, находящихся в тесной взаимосвязи, а потому негативное воздействие на отдельные компоненты экологической системы лесов влечет нарушение внутрисистемных связей, нанося тем самым вред экосистеме в целом; соответственно, исчисление размера вреда, причиненного лесам, должно производиться с учетом характера действий (бездействия) правонарушителя, их ближайших и отдаленных последствий, ущерба, нанесенного как экосистеме в целом, так и отдельным ее компонентам (элементам природной среды), например лесной растительности, животному миру, подземным водам;

таксы и методики исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, утверждаются Правительством Российской Федерации (часть 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации); хотя исчисление размера вреда посредством такс и методик позволяет получить лишь приблизительную оценку причиненного лесу ущерба, такой подход снижает издержки, связанные с определением ущерба, причиненного лесу как экосистеме.

Данные правовые позиции, сохраняющие свою юридическую силу, имеют общий характер и подлежат применению не только к отношениям по возмещению вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, но и к отношениям по возмещению вреда, причиненного объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания в связи с правомерной хозяйственной деятельностью по заготовке древесины. Такой вывод подтверждается как обращением к принципу «загрязнитель платит», который имеет самостоятельное значение и не исчерпывается иными принципами, закрепленными в статье 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (в том числе принципом ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды), так и толкованием оспариваемого пункта 2 статьи 77 этого же Федерального закона, допускающего возмещение вреда окружающей среде, причиненного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем хозяйственной деятельностью, на проект которой имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы.

Лицо, которому предоставлено право пользования лесным участком, при совершении одних и тех же действий, связанных с рубкой лесных насаждений, является субъектом разных правоотношений: регулируемых как преимущественно лесным законодательством (осуществление разрешенной государством деятельности по заготовке древесины), так и законодательством о животном мире и об охоте (возмещение вреда объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания). Следовательно, само по себе соблюдение данным лицом требований относительно допустимого объема изъятия древесины, имеющих характер нормативов такого изъятия указанного компонента природной среды (пункт 1 статьи 26 Федерального закона «Об охране окружающей среды»), не исключает негативного воздействия его деятельности на иные компоненты этой природной среды – объекты животного мира (охотничьи ресурсы).

Вместе с тем правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в Постановлении от 2 июня 2015 года № 12-П, относительно учета затрат причинителя вреда по устранению загрязнения окружающей среды при определении размера возмещаемого вреда распространяется лишь на случаи, когда лицо, неумышленно причинившее вред окружающей среде, действуя впоследствии добросовестно, до принятия в отношении него актов принудительного характера, совершило за свой счет активные действия по реальному устранению причиненного вреда окружающей среде (ликвидации нарушения), осуществив при этом значительные материальные затраты (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2016 года № 225-О). С учетом этого, вопреки утверждению заявителя, данная позиция не может быть применима к обстоятельствам конкретного дела без учета характера причиненного вреда и предпринятых заявителем мер для его минимизации.

3. Согласно нормам Лесного кодекса Российской Федерации осуществление сплошных рубок на лесных участках, предоставленных для заготовки древесины, допускается только при условии воспроизводства лесов на указанных лесных участках (часть 5 статьи 17); лесовосстановление, по общему правилу, осуществляется на основании проекта лесовосстановления лицами, осуществляющими рубки лесных насаждений в соответствии с данным Кодексом (часть 2 статьи 62). В развитие приведенных положений федерального законодательства Правилами лесовосстановления, утвержденными приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 375 (утрачивает силу с 25 мая 2019 года в соответствии с приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 25 марта 2019 года № 188), установлено, что лесовосстановление обеспечивается на лесных участках, предоставленных в аренду для заготовки древесины, арендаторами этих лесных участков (пункт 4). Положением пункта 42 Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации, утвержденных приказом этого же Министерства от 13 сентября 2016 года № 474, к сплошным рубкам спелых, перестойных лесных насаждений относятся следующие виды рубок: с предварительным лесовосстановлением (появление нового молодого поколения леса под пологом существующего древостоя) и с последующим лесовосстановлением (образование нового поколения леса после рубки спелого древостоя). Утвержденным приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 29 февраля 2012 года № 69 Составом проекта освоения лесов и порядком его разработки предусматривается, что общая часть проекта освоения лесов включает такие сведения, как проектируемые способы и объемы лесовосстановления в соответствии с лесохозяйственным регламентом, обоснование технологий лесовосстановления (пункт 9); проектируемые виды и объемы мероприятий по охране объектов животного мира, проектируемые виды и объемы мероприятий по охране объектов растительного мира (пункт 10).

Исходя из приведенных положений в их взаимосвязи проведение мероприятий по лесовосстановлению является не мерой возмещения экологического вреда в натуральной форме (статья 1082 ГК Российской Федерации), а непременным условием получения разрешения на осуществление деятельности по заготовке древесины, подобно тому как компенсационное озеленение (т.е. воспроизводство зеленых насаждений взамен уничтоженных или поврежденных) может выступать обязательным условием вырубki зеленых насаждений на основании специального разрешения (порубочного билета).

Между тем, по смыслу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 года № 12-П, лес является особенно сложной экосистемой, состоящей из таких компонентов (элементов природной среды), как, например, лесная растительность, животный мир, подземные воды, что качественно отличает его от озелененных территорий населенных пунктов. Следовательно, воспроизводство лесов хотя и выполняет важнейшую климаторегулирующую роль (способствует выработке

кислорода, защите от ветровой и водной эрозии почв, абсорбции вредных выбросов и т.д.), оно не способно в полной мере восстановить нарушенное хозяйственной деятельностью равновесие в экосистеме.

Установить же, какие именно виды и объемы мероприятий по защите животного мира осуществлялись заявителем и рассматриваются им в качестве достаточных для сохранения и восстановления биоразнообразия леса, из жалобы и материалов к ней не представляется возможным.

3.1. Согласно статье 73 Лесного кодекса Российской Федерации размер арендной платы определяется на основе минимального размера арендной платы, устанавливаемого в соответствии с частями 2, 3 и 4 данной статьи (часть 1); при использовании лесного участка с изъятием лесных ресурсов минимальный размер арендной платы определяется как произведение ставки платы за единицу объема лесных ресурсов и объема изъятия лесных ресурсов на арендуемом лесном участке (часть 2). Из содержания положений Ставок платы за единицу объема лесных ресурсов и ставок платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2007 года № 310, следует, что ставка платы за единицу объема древесины лесных насаждений формируется в том числе исходя из пород лесных насаждений, отнесения к деловой и дровяной древесине (с делением по категории крупности), принадлежности к одному из лесотаксовых районов, расстояния вывозки древесины; к ставкам могут применяться корректирующие коэффициенты при заготовке древесины в зависимости от степени повреждения лесных насаждений и др.

Иными словами, установление такой арендной платы является способом реализации государством правомочий публичного собственника природных ресурсов. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 25 сентября 2014 года № 2287-О отмечал различия в правовой природе денежных сумм в возмещение ущерба, причиненного вследствие нарушения лесного законодательства, и платежей за рубку находящихся в федеральной собственности лесных насаждений, что предопределяет различный подход к определению принципов и порядка установления соответствующих платежей. Указанный подход может быть применим в качестве ориентирующего и в данной ситуации.

Таким образом, отсутствуют основания полагать, что установленные в случае заявителя размеры ставок арендной платы в своем составе учитывают расходы на возмещение вреда объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания.

3.2. Статья 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» предусматривает специальный экологический платеж, подлежащий зачислению в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в качестве платы за негативное воздействие на окружающую среду (пункт 2), указанный платеж взимается за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов) (пункт 1). При этом объем или масса таких выбросов (сбросов, размещенных отходов) являются платежной базой для исчисления данной платы в силу пункта 1 статьи 16² этого же Федерального закона.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 10 декабря 2002 года № 284-О, указанные платежи взимаются с хозяйствующего субъекта во исполнение им финансово-правовых обязательств (обязанностей), возникающих из осуществления такой деятельности, которая оказывает негативное (вредное) воздействие на окружающую среду, и представляют собой форму возмещения экономического ущерба от такого воздействия, производимого в пределах установленных нормативов, под контролем государства.

В то же время особенность данного экологического платежа заключается в том, что осуществление указанных видов деятельности сопряжено не с изъятием компонентов природной среды, а с поступлением в окружающую среду вещества и (или) энергии,

свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду; такое негативное воздействие, в свою очередь, способно повлечь за собой возникновение подлежащего возмещению вреда окружающей среде, т.е. деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов (статья 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

В Постановлении от 5 марта 2013 года № 5-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что, поскольку природопользование объективно влечет причинение экологического вреда, федеральный законодатель при осуществлении правового регулирования в области экологического развития (статья 71, пункт «е», Конституции Российской Федерации) наделен достаточно широкой дискрецией, что обусловлено необходимостью защиты и обеспечения таких конституционно значимых ценностей, как экологическая безопасность и здоровье граждан (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Настаивая же на проверке конституционности оспариваемых положений, заявитель, указывая на несовершенство существующего организационно-правового механизма, по существу, ставит вопрос о необходимости его замены иным, что не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

4. Что же касается приведенного заявителем в качестве обоснования его доводов положения пункта 3 статьи 1064 ГК Российской Федерации, закрепляющего, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом, истолкование которого позволило судам распространить действие оспариваемых положений на правомерную деятельность по заготовке древесины и привлечь его к ответственности, то истолкование и выбор подлежащих применению норм, в том числе в случаях конкуренции между ними, как и устранение иного возможного несоответствия между федеральными законами, не входят в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации (Определение от 7 июля 2016 года № 1423-О).

Таким образом, доводы, изложенные в жалобе, не дают оснований для вывода о нарушении конституционных прав заявителя в конкретных делах с его участием. Данный вывод не препятствует законодателю в ходе дальнейшего совершенствования правового регулирования охраны окружающей среды как внести соответствующие изменения, направленные на согласование норм природоохранного и норм гражданского законодательства, так и предусмотреть иной порядок расчета и компенсации ущерба, наносимого объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания в ходе правомерной деятельности по заготовке древесины.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми такого рода обращения в Конституционный Суд Российской Федерации признаются допустимыми.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**13 мая
2019 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 1199-О

**об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданки Павловой
Юлии Юрьевны на нарушение ее
конституционных прав пунктом «м»
части первой статьи 58 Положения
о службе в органах внутренних дел
Российской Федерации**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.Д.Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки Ю.Ю.Павловой,

установил:

1. Гражданка Ю.Ю.Павлова оспаривает конституционность пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»), согласно которому сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы в связи с осуждением сотрудника за преступление, в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом.

Как следует из представленных материалов, Ю.Ю.Павлова в 2008 году поступила на службу в органы уголовно-исполнительной системы, откуда в июне 2018 года была уволена по пункту «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. На момент увольнения Ю.Ю.Павлова занимала должность фельдшера медицинской части, являющейся филиалом медико-санитарной части Федеральной службы исполнения наказаний.

Основанием для увольнения послужили материалы служебной проверки, установившей, что в феврале 2007 года в отношении заявительницы было возбуждено уголовное дело в связи с совершением ею преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 158 УК Российской Федерации (кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину). В марте 2007 года уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон, при этом заявительница полностью признала свою вину.

Считая увольнение необоснованным, поскольку данное обстоятельство было известно Главному управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Ростовской области еще при поступлении заявительницы на службу, она обратилась в суд. Решением Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 17 сентября 2018

года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 29 ноября 2018 года, в удовлетворении исковых требований ей было отказано.

По мнению Ю.Ю.Павловой, оспариваемая норма, примененная в ее деле судами общей юрисдикции, не соответствует статьям 15, 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку лишает граждан, в отношении которых уголовное преследование было прекращено в связи с примирением сторон, возможности проходить службу в уголовно-исполнительной системе независимо от времени, прошедшего с момента прекращения уголовного преследования, и от того, что оно имело место до поступления лица на службу, а также несмотря на то что лицо, освобожденное от отбывания наказания, считается несудимым. При этом заявительница указывает на то, что требований, предусмотренных оспариваемой нормой, не существовало в момент возникновения у нее служебных отношений.

2. В настоящее время правоотношения, связанные с поступлением на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника, регулирует Федеральный закон от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», вступивший в силу с 1 августа 2018 года. Согласно названному Федеральному закону данный вид федеральной государственной службы представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации, которая осуществляется, прежде всего, на должностях в уголовно-исполнительной системе, учреждаемых не только в федеральном органе исполнительной власти, реализующем правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, территориальных органах уголовно-исполнительной системы, учреждениях, исполняющих наказания, следственных изоляторах, но и в организациях, входящих в уголовно-исполнительную систему в соответствии с законодательством Российской Федерации, в частности в медицинских организациях (статьи 1 и 2).

Служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, непосредственно связана с обеспечением общественного порядка, осуществляется в публичных интересах, призвана гарантировать надлежащее исполнение уголовных наказаний и закрепленного законом порядка отбывания наказаний, охраны прав и свобод осужденных и направлена на осуществление содержания лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых, находящихся под стражей, их охраны и конвоирования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 года № 21-П). Лица, несущие такого рода службу, выполняют конституционно значимые функции, чем определяется их правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности). Установленные особые правила прохождения государственной службы, связанной с обеспечением правопорядка, в том числе предъявление требований к моральному облику таких лиц, и закрепление оснований увольнения, связанных с несоблюдением указанных требований, не вступают в противоречие с конституционными предписаниями (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 года № 2749-О, от 25 января 2018 года № 159-О, от 27 марта 2018 года № 766-О и от 27 сентября 2018 года № 2242-О).

Граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, в свою очередь, соглашаются с ограничениями, которые обуславливаются приобретаемым ими правовым статусом.

3. Правовое положение сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые – независимо от содержания обязанностей, выполняемых по занимаемой должности, –

имеют равный статус и подчиняются общим требованиям к служебному поведению, определено Федеральным законом «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

На сотрудников уголовно-исполнительной системы возлагаются обязанности, обусловленные выполнением служебных задач, в том числе с риском для жизни, в связи с чем им предоставляются социальные гарантии и компенсации, установленные законодательством Российской Федерации, и распространяются единые ограничения и запреты, связанные со службой.

К числу таких запретов относится предусмотренное пунктом 3 части 1 статьи 14 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» правило, согласно которому сотрудник не может находиться на службе в уголовно-исполнительной системе в случае прекращения в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности нахождения сотрудника на службе в уголовно-исполнительной системе преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом. Вследствие этого при наличии указанных обстоятельств гражданин не может быть принят на службу в уголовно-исполнительную систему, а сотрудник уголовно-исполнительной системы, проходящий службу, на основании пункта 7 части 3 статьи 84 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» подлежит увольнению в результате их возникновения.

4. Аналогичное правовое регулирование осуществлялось Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, которое до вступления в силу Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» распространялось на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, федеральный законодатель последовательно устанавливает повышенные репутационные требования для данной категории государственных служащих, что обуславливается необходимостью обеспечения замещения должностей в уголовно-исполнительной системе лицами, имеющими высокие морально-нравственные качества, в полной мере соответствующими требованиям к уровню профессиональной подготовки и морально-психологическим качествам сотрудников, а также способными надлежащим образом выполнять принятые ими на себя служебные обязательства.

Эти требования в равной мере распространяются на всех лиц, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе, predeterminedены задачами, принципами организации и функционирования такой службы, а также специфическим характером деятельности граждан, ее проходящих, а потому не могут рассматриваться как вступающие в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости.

Что касается утверждения Ю.Ю.Павловой о том, что требований, предусмотренных оспариваемой нормой, не существовало в момент возникновения у нее служебных отношений, то пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в редакции, применявшейся на день поступления заявительницы на службу в уголовно-исполнительную систему, предусматривал возможность увольнения сотрудников, на которых распространялись его нормы, в связи с осуждением за преступление после вступления обвинительного приговора в законную силу.

Однако после вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2010 года № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Закона Российской Федерации «О милиции» и Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» указанная норма была изложена в новой редакции: увольнение со службы стало возможным в связи с осуждением сотрудника за преступление после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, а также прекращением уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием. При этом граждане, не подлежавшие уголовному преследованию в том числе в связи с примирением сторон (за исключением уголовных дел частного обвинения), не могли быть приняты на службу (часть первая статьи 9 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

Как отмечалось в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 года № 1211-О применительно к сотрудникам органов внутренних дел, данное регулирование хотя непосредственно и не предусматривало обязательность увольнения сотрудников со службы при наступлении указанных обстоятельств, не предполагало, тем не менее, продолжения ими службы, поскольку в противном случае сотрудники органов внутренних дел ставились бы в привилегированное положение по сравнению с лицами, желающими поступить на службу, но не имеющими права на ее прохождение по названным причинам, и нарушались бы конституционные принципы равенства и справедливости, не достигалась бы установленная при введении соответствующих правоограничений цель комплектования органов внутренних дел лицами, имеющими высокие нравственные качества. Данный вывод в полной мере применим и к сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Юлии Юрьевны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».